

Молодежный любовный роман

Пелевина Катерина

Подарок

Ты-моя игрушка

Пелевина Катерина

Подонок. Ты – моя игрушка

<https://litres.ru/74212918>

Аннотация

Сводные♥#

Это как вообще называется?! После двадцати лет брака повести себя как тупое животное, выгнать маму и привести какую-то шваль в наш дом?! Да ещё и с прицепом?!

Не... Я этого так не оставлю, точно.

Сестра, значит?! Надеюсь, ты понимаешь, старик, какую ошибку только что совершил...

– Громче, хомяк, кричи громче, потому что, если хочешь выйти отсюда живой, лучше постараться...

– Думаешь, я боюсь тебя, дорогой сводный братец? Ошибаешься! Не на ту напал!

– Ну, давай. Показывай на что способна, раз раскрыла свою поганую варежку, пока я чем-нибудь её не заткнул...

Обещаю жаркое противостояние!

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "НРАВИТСЯ" ♥# Пишите комментарии) Всегда рада♥#

Содержание

Пролог	5
Глава 24.	10
Глава 24.	15
Визы	20
Глава 25.	21
Глава 25.	26
Глава 1.	31
Глава 26.	36
Глава 26.	42
Глава 27.	48
Глава 27.	54
Глава 2.	60
Глава 28.	70
Глава 3.	77
Глава 4.	84
Глава 5.	91
Глава 29.	98
Глава 6.	107
Глава 7.	114
Глава 8.	121
Глава 30.	127
Глава 9.	132
Глава 10.	138

Глава 28.	143
Глава 11.	150
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Пролог

От автора: Добро пожаловать в мою новинку! Лайки, отзывы, всё приветствуется))) Я вам контент, вы мне немного отдачи) Погнали)

Пролог

Никита Хорольский

– Я очень надеюсь, что ты понимаешь, что творишь...

– Не драматизируй, ты знала, к чему всё ведёт. Мы уже говорили тысячу раз... Настало время, Наташа!

Вслушиваясь в звонкие голоса родителей с улицы или даже скорее крики, вваливаюсь в дом, где, как по щелчку пальцев вновь воцаряется мёртвая тишина. На дворе ночь, только огни террасы позволяют мне разглядеть дорогу, чтобы не наебнуться и не переломать себе хребет в таком состоянии.

– Ай, с-с-сука... – спотыкаюсь о порог, как обычно. Автопилот не всегда работает так, как хотелось бы.

Вернулся с очередной тусы в немного неопрятном виде. Снова подрался какого-то хера. Сам не понял, как так вышло. Перебрал. У меня бывает. Дурной характер, как говорит отец, а когда выпью, так вообще всё дерьмо наружу лезет. Со всех щелей, как сейчас.

– Я дома! – заявляю, а то вдруг мне послышалось.

Осматриваюсь и понимаю, что они реально не спешат мне отвечать или хоть как-то реагировать, блин. Какого хрена во-

обще? Я же слышал, что ругались, блин...

– Эээ! Отец?! – зову громче. – Мама!?

– Сынок, иди спи, – слышится её голос в ответ.

– У вас всё в порядке?

– Да...

– Ну и зашибись, – тихонько бормочу себе под нос и плетусь в свою спальню на второй этаж, попутно стаскивая с себя кофту, которая настолько сильно провоняла Кириными духами и сигаретами с ментолом, что мне становится тошно...

Опять весь вечер висла и не удалось решить свои вопросы.

Настроение – говно. Впрочем, как и состояние. Вертолёты и противное ощущение предвкушения от предстоящей учёбы в универе злят и вымораживают. Казалось бы, второй курс – пора привыкнуть. А я до сих пор не могу, потому что меня, можно сказать, запихали сюда ради отцовской репутации...

Мама поддержала и выпросила у меня щепотку понимания. Всегда так...

В итоге, я уже год варюсь в этом котле по нефтегазовому направлению. Вообще не моё, но никто и не спрашивает. Учусь, да и ладно... Бонусом являются родительские коврижки. На всё остальное давно забит болт.

Представить не могу, как продержусь до окончания универа, если честно. Меня ждёт неприятный сюрприз, думаю. Потому что первый курс – ещё цветочки. Всё самое сложное

и якобы «интересное» впереди. Придётся серьёзно напрячься для дальнейшей работы в отцовской компании.

Сказал так, будто это тоже одно из моих желаний. Но нет, нифига.

Ощущение, что я не особо и бунтарь в свои девятнадцать, раз всё делаю по его дудке, верно?

Думать об этом становится всё неприятнее, а веки во время этого тяжелеют всё сильнее, и я всё-таки проваливаюсь в очередной гнетущий сон, думая о том, что завтра всё же заявлю родакам, что не желаю больше учиться на этой дерьмовой специальности, чего бы там они от меня не требовали оба...

Утро встречает адской головной болью и сушняком. Я даже язык с трудом отрываю от нёба, настолько всё плохо... Я ещё и вчера с Кирой разосрался в пух и прах из-за её долбанутого братца, нахрен...

Сползаю на край кровати, смотрю на кулаки. Костяшки сбитые подчистую. Подушка и простынь в крови, блин. Вчера не сообразил даже обработать...

Стояк мучает такой, что хоть вешайся. С похмелья все мозги там и не думается ни черта. Голова как чужая.

Встаю и тащусь на кухню, чтобы попить. В одних трусах, как обычно, и вдруг прямо по пути вижу какую-то тёлку. Блондинку, блин, лет тридцати пяти. С небольшой сумкой и заплаканными глазами. Мы с ней, наверное, минуты две

играем в гляделки. Только если её можно назвать расстроенной, то меня таким назвать, увы, нельзя. Я скорее покрытый панцирем из ненависти и осуждения.

А потом откуда не возьмись появляется и мой отец.

– А чё происходит? – спрашиваю возмущенно. – Это кто?

– Сын, присядь.

Мне совсем, блин, не нравится, как звучит его тон. Я в принципе редко с ним нормально контактирую. У меня больше с мамой отношения выстроены, как и диалог, но это... Выбивает меня из равновесия за секунды.

Называйте это шестым чувством или долбанной интуицией. Но я, блин, ни хрена не хочу садиться с ними и разговаривать. Мне даже пить в этом доме неожиданно перехотелось.

– Не хочу я садиться. Чё случилось, спрашиваю?!

– Децибелы убавь и сядь... Ещё раз повторяю, – уже более жёстко, а потом я, сука, вижу, как ладонь этой тёлки ложится на отцовское колено, когда сам он садится рядом с ней и прижимает к себе дрожащую, несчастную и вытирающую слёзы со щёк, словно она – смысл его существования. Сердце моё при этом уже в нокауте, однозначно. Какая бы дичь тут не творилась, вот это явный перебор.

– Мама где? – грузно сажусь напротив и смотрю на них волком. У меня от одного её вида колпак срывает. Сидит и строит из себя какую-то невинную овцу, блин, в загоне.

– Ник... Мама переехала жить в нашу квартиру в центре... А это Эля... Она и её дочь переезжают сюда...

Я тут же вытягиваюсь вверх. Струной. Ощущая, как каждая мышца на теле забивается. Как сам я становлюсь грудой камней в одночасье, а эта наглая девка пугается и прячет свой грёбанный нос в отцовской рубаше.

– Ник...

– Мне вообще плевать, кто это. Даже слышать не желаю, – отрезаю стальным тоном. Он чё, блядь, думал?! Приведёт сюда какую-то девку на десять лет моложе себя и здравствуй, новая жизнь?! Какого вообще хера?!

Ещё и дочь сюда её приволоочь решил?!

– Твоя мать уже всё заранее знала. Сядь! – настаивает он, крича мне в спину, пока я надеваю на себя джинсы и футболку, что нахожу в комодке гостиной.

– Не угадал, нахрен, не сяду! Хорошего вам вечера вдвоём! – резко дёргаюсь в сторону двери, прихватив свои ключи от машины, и хлопнув ею до дребезга окон в соседней сарайке с инвентарём. Меня не просто сейчас разрывает, а мотает из стороны в сторону, как чёртов флюгер на ветру.

Он чё от меня благословения ждал, нахрен?! Это как вообще называется?! После двадцати лет брака повести себя как тупое животное, выгнать маму и привести какую-то сучку в наш дом?! Да ещё и с прицепом?!

Не... Я этого так не оставлю, точно...

Сестра, значит?! Надеюсь, ты понимаешь, старик, какую ошибку, нахрен, только что совершил...

Глава 24.

Евгения Хомова

Он уходит, а у меня болит сердце. Смотрю ему в спину и вздыхаю, думая о том, что мне не пробиться сквозь эти оковы... Нет. Не получается. Даже если он защитил меня там, даже если заступился, но... Внутри у него сплошной лёд. Дрейфующие айсберги... И мне кажется, он меня точно погубит, если я хотя бы попытаюсь протиснуться между ними. Да и стоит ли оно того? Зачем? Ведь он явно показывает, что я ему никто. Что даже если мы живём в одном доме, ему плевать на меня. Пусть я думаю чуточку иначе. Ведь мне кажется, что мы могли бы общаться и даже найти общий язык. Уверена, что он не плохой человек где-то внутри... Просто так сложились обстоятельства наших с ним жизнью. И Наташа с Лёшей не правы...

Я не вижу его чувств. Тех, о которых они говорят. Иначе бы он давно сказал или хоть как-то показал это. А тут... Сплошная темнота...

Настроения нет и из-за того, что случилось. И из-за Жени, который меня обманул, получается... Зачем же тогда прислал букет? Не понимаю его логики... Получается, что снова остался в тени. Но я так тоже не хочу. Это неправильно, а потому я достаю телефон, чтобы расставить все точки над «і».

«Знаешь, я ведь ждала тебя... Думала, что ты придёшь»,

– пишу сообщение и слышу звук вибрации на диване.

Сначала не придаю значения, но потом...

«Следовало предупредить, что ты не сможешь... Хотя бы раз написать».

И снова «бр-р-р».

Хмурюсь.

«Женя?», – отправляю и тут же толкаю руку под подушку, увидев телефон Ника, который, очевидно, выпал у него из заднего кармана, а там и всплывшие уведомления на экране... Из социальной сети с моим именем.

У меня дёргается глаз... От напряжения грудную клетку зажимает в тиски.

Сукин сын...

Сдавливаю его в руке, когда вижу, что Ник делает шаг в гостиную, и мы встречаемся взглядами.

– Что это?! – выкрикиваю в истерике, ощущая, что буквально готова его разорвать. На кусочки... В клочья. Ненавижу...

– Какого хера у тебя в руках мой телефон?! – выдаёт он агрессивно, но у меня уже внутри всё горит. Ему не удастся скрыть от меня правду. И не удастся выставить меня виноватой.

– Женя Т. это ты?! Господи, ты что?! Ты ненормальный?! – спрашиваю, срывая голос. Кем надо быть, чтобы заниматься такой чухнёй?!

– Телефон отдай, – повышает он в ответ, пока я нервно

вскакиваю с дивана и сцепляю челюсть, уставившись на него в гневе.

– Какая же ты скотина, Ник... И тот букет – это ты?! Сволочь... Вот я дура, а...

– Ты права, ты – дура! – выкрикивает он, и я тут же со психа кидаю его телефон об пол с характерным трескающим звуком. – С...сука...

Взгляд глаза в глаза. И ненависть изо всех щелей. Причём у обоих.

Он кидается за мной, я – от него. У меня внутри всё гудит теперь от осознания, что я с ним переписывалась. Ладно хоть ничего такого не рассказывала и не делилась, но... Какой же он гад... Просто нереальный. Телефона мало, я бы хотела уничтожить в ответ его самого!

За секунду меня резко обхватывают за плечо, разворачивают и давят к стене, заставляя обмякнуть перед ним. Его предплечье нажимает на мою грудную клетку с грубой силой. А я обхватываю его обеими руками и пытаюсь оттолкнуть, но он же больше в два раза. Чёрта с два у меня получится это сделать...

– Ты просто сволочь, Ник! Ублюдок! Свинья! Я тебя ненавижу! Урод! – рычу на него в ярости, ощущая, как глаза наливается слезами и краснеют. Всё горит и болит. Мне так обидно, что я хочу удавиться.

– А ты думала, на тебя кто-то посмотрел, да?! Наивная глупая дуручка... Да кому ты нужна, нахрен?!

– Пошёл ты! Пошёл на хрен, кусок говна! Это ты никому кроме своей безумной Киры не нужен! Никому!

Чувствую, что он злится сильнее, и вместе с тем его хватка только усиливается. Давление тоже нарастает.

– Всю жизнь будешь в этих больных отношениях, потому что сам такой! Больной на всю голову!!! Помогите!!! – ору в надежде, что может родители уже сидят где-то на улице и наконец поставят его на место... Потому что я уже не могу. Я так его ненавижу, что хочется ударить его по голове чем-то тяжёлым... Он всё внутри меня уничтожает. Как вирус, как бубонная чума! Он не заслуживает любви... Просто ужасный человек, я беру свои слова о нём назад! В нём нет ничего хорошего! Он отвратителен!

– Громче, хомяк, кричи громче, потому что, если хочешь выйти отсюда живой, лучше постараться...

– Думаешь, я боюсь тебя, дорогой сводный братец? Ошибаешься! Не на ту напал! – даю ему кулаком по руке, но ему хоть бы хны. Не отпускает.

– Ну, давай. Показывай на что способна, раз раскрыла свою поганую варежку, пока я чем-нибудь её не заткнул...

У меня даже дар речи от его угроз пропадает, и только я вскидываю руку вверх, чтобы ударить его по роже и оцарапать, как он просто подаётся вперёд и целует меня в губы. Целует так, что я перестаю дышать... Буквально жрёт, поглощает. Надавив так сильно, что мои губы инстинктивно для него размыкаются. Ноги подкашиваются... Простран-

ство плывёт. Он жадно ворует у меня кислород, проталкивая язык в мой рот и забирая остатки самообладания. Я чувствую его вкус и напористость. И словно взрываюсь изнутри, покрываясь тысячью мурашек...

Это первый мой поцелуй... Господи...

И у него мятный, сладкий, шипучий вкус...

Ник, что ты, блин, творишь?!

Не разрывая контакта, его наглые руки спускаются вниз и обхватывают меня за попу, буквально в секунду, подбрасывая и заставляя повиснуть на нём. Я боюсь, что он поймёт не так, но не перестаю скрести его плечи ногтями... Я не знаю, сколько длится этот поцелуй, но мне кажется, что вечность. Сердце в груди не просто бьётся в истерике, оно уже мне не принадлежит и не поддаётся контролю. Словно не моё отныне... Чужое. И кажется, что у этого вечера губительные последствия. Не просто похмелье... А кровавое послевкусие...

Ощущаю, что мне между ног что-то упирается, что-то большое и твёрдое, и я не дура, чтобы совсем не понимать, что... Меня смущает другое... Я в целом не могу осознать, что здесь происходит, как вдруг...

Господи... Отрывая меня от стены, он тащит меня куда-то...

Глава 24.

Евгения Хомова

Он уходит, а у меня болит сердце. Смотрю ему в спину и вздыхаю, думая о том, что мне не пробиться сквозь эти око-вы... Нет. Не получается. Даже если он защитил меня там, даже если заступился, но... Внутри у него сплошной лёд. Дрейфующие айсберги... И мне кажется, он меня точно погубит, если я хотя бы попытаюсь протиснуться между ними. Да и стоит ли оно того? Зачем? Ведь он явно показывает, что я ему никто. Что даже если мы живём в одном доме, ему плевать на меня. Пусть я думаю чуточку иначе. Ведь мне кажется, что мы могли бы общаться и даже найти общий язык. Уверена, что он не плохой человек где-то внутри... Просто так сложились обстоятельства наших с ним жизнью. И Наташа с Лёшей не правы...

Я не вижу его чувств. Тех, о которых они говорят. Иначе бы он давно сказал или хоть как-то показал это. А тут... Сплошная темнота...

Настроения нет и из-за того, что случилось. И из-за Жени, который меня обманул, получается... Зачем же тогда прислал букет? Не понимаю его логики... Получается, что снова остался в тени. Но я так тоже не хочу. Это неправильно, а потому я достаю телефон, чтобы расставить все точки над «і».

«Знаешь, я ведь ждала тебя... Думала, что ты придёшь»,

– пишу сообщение и слышу звук вибрации на диване.

Сначала не придаю значения, но потом...

«Следовало предупредить, что ты не сможешь... Хотя бы раз написать».

И снова «бр-р-р».

Хмурюсь.

«Женя?», – отправляю и тут же толкаю руку под подушку, увидев телефон Ника, который, очевидно, выпал у него из заднего кармана, а там и всплывшие уведомления на экране... Из социальной сети с моим именем.

У меня дёргается глаз... От напряжения грудную клетку зажимает в тиски.

Сукин сын...

Сдавливаю его в руке, когда вижу, что Ник делает шаг в гостиную, и мы встречаемся взглядами.

– Что это?! – выкрикиваю в истерике, ощущая, что буквально готова его разорвать. На кусочки... В клочья. Ненавижу...

– Какого хера у тебя в руках мой телефон?! – выдаёт он агрессивно, но у меня уже внутри всё горит. Ему не удастся скрыть от меня правду. И не удастся выставить меня виноватой.

– Женя Т. это ты?! Господи, ты что?! Ты ненормальный?! – спрашиваю, срывая голос. Кем надо быть, чтобы заниматься такой чухнёй?!

– Телефон отдай, – повышает он в ответ, пока я нервно

вскакиваю с дивана и сцепляю челюсть, уставившись на него в гнев.

– Какая же ты скотина, Ник... И тот букет – это ты?! Сволочь... Вот я дура, а...

– Ты права, ты – дура! – выкрикивает он, и я тут же со психа кидаю его телефон об пол с характерным трескающим звуком. – С...сука...

Взгляд глаза в глаза. И ненависть изо всех щелей. Причём у обоих.

Он кидается за мной, я – от него. У меня внутри всё гудит теперь от осознания, что я с ним переписывалась. Ладно хоть ничего такого не рассказывала и не делилась, но... Какой же он гад... Просто нереальный. Телефона мало, я бы хотела уничтожить в ответ его самого!

За секунду меня резко обхватывают за плечо, разворачивают и давят к стене, заставляя обмякнуть перед ним. Его предплечье нажимает на мою грудную клетку с грубой силой. А я обхватываю его обеими руками и пытаюсь оттолкнуть, но он же больше в два раза. Чёрта с два у меня получится это сделать...

– Ты просто сволочь, Ник! Ублюдок! Свинья! Я тебя ненавижу! Урод! – рычу на него в ярости, ощущая, как глаза наливается слезами и краснеют. Всё горит и болит. Мне так обидно, что я хочу удавиться.

– А ты думала, на тебя кто-то посмотрел, да?! Наивная глупая дуручка... Да кому ты нужна, нахрен?!

– Пошёл ты! Пошёл на хрен, кусок говна! Это ты никому кроме своей безумной Киры не нужен! Никому!

Чувствую, что он злится сильнее, и вместе с тем его хватка только усиливается. Давление тоже нарастает.

– Всю жизнь будешь в этих больных отношениях, потому что сам такой! Больной на всю голову!!! Помогите!!! – ору в надежде, что может родители уже сидят где-то на улице и наконец поставят его на место... Потому что я уже не могу. Я так его ненавижу, что хочется ударить его по голове чем-то тяжёлым... Он всё внутри меня уничтожает. Как вирус, как бубонная чума! Он не заслуживает любви... Просто ужасный человек, я беру свои слова о нём назад! В нём нет ничего хорошего! Он отвратителен!

– Громче, хомяк, кричи громче, потому что, если хочешь выйти отсюда живой, лучше постараться...

– Думаешь, я боюсь тебя, дорогой сводный братец? Ошибаешься! Не на ту напал! – даю ему кулаком по руке, но ему хоть бы хны. Не отпускает.

– Ну, давай. Показывай на что способна, раз раскрыла свою поганую варежку, пока я чем-нибудь её не заткнул...

У меня даже дар речи от его угроз пропадает, и только я вскидываю руку вверх, чтобы ударить его по роже и оцарапать, как он просто подаётся вперёд и целует меня в губы. Целует так, что я перестаю дышать... Буквально жрёт, поглощает. Надавив так сильно, что мои губы инстинктивно для него размыкаются. Ноги подкашиваются... Простран-

ство плывёт. Он жадно ворует у меня кислород, проталкивая язык в мой рот и забирая остатки самообладания. Я чувствую его вкус и напористость. И словно взрываюсь изнутри, покрываясь тысячью мурашек...

Это первый мой поцелуй... Господи...

И у него мятный, сладкий, шипучий вкус...

Ник, что ты, блин, творишь?!

Не разрывая контакта, его наглые руки спускаются вниз и обхватывают меня за попу, буквально в секунду, подбрасывая и заставляя повиснуть на нём. Я боюсь, что он поймёт не так, но не перестаю скрести его плечи ногтями... Я не знаю, сколько длится этот поцелуй, но мне кажется, что вечность. Сердце в груди не просто бьётся в истерике, оно уже мне не принадлежит и не поддаётся контролю. Словно не моё отныне... Чужое. И кажется, что у этого вечера губительные последствия. Не просто похмелье... А кровавое послевкусие...

Ощущаю, что мне между ног что-то упирается, что-то большое и твёрдое, и я не дура, чтобы совсем не понимать, что... Меня смущает другое... Я в целом не могу осознать, что здесь происходит, как вдруг...

Господи... Отрывая меня от стены, он тащит меня куда-то...

Визы

Евгения Хомова (Она же – Хома, но для Никиты – хомяк, во всяком случае, первое время))))

Никита Хорольский (Ник)

Заходите в мою группу в ВК, там есть небольшие ожившие анимации по этой парочке)

Глава 25.

Никита Хорольский

Это пиздец... Лавина с такой силой накрывает голову, что я не могу адекватно расценивать ситуацию... Я пропал, блядь, без вести, я труп, сука...

Не могу от неё оторваться. Эта злость вкупе с безумной тягой, которую я не в состоянии здраво оценить. Это помешательство. А она, блядь, так целуется, что лучше бы была. Лучше бы просто кусалась и царапалась, нахер. Потому что такое со мной творит, что словами не описать. Уже под кожей, в венах, слилась с кровью воедино, изменила меня изнутри. До скрежета, до скрипа, до тошноты... Скулит, всхлипывает, мычит. Чувствую, как её руки скребут мои плечи. И вкус её языка чувствую... Сладкий, ни с чем не сравнимый. Без сигарет, без отвратительных духов, даже бухла совсем немного, ровно столько, чтобы я тоже опьянел, нафиг, вместе с ней от одного только осознания, что впервые целую кого-то и не хочу, чтобы это заканчивалось, потому что психика уже сказала мне «прощай!». Адамово яблоко... Семь смертных грехов... Жалит и травит меня изнутри. Уничтожает.

– М, – издаёт совершенно надрывисто. На изломе. Чем, естественно, ещё сильнее меня провоцирует.

Сам не понимаю, что делаю, но уже сжимаю её задницу

через тонкую ткань задранного платья и тащу её на диван. Собирая все поверхности подряд. То к одной стене прижму, то к другой, с безумием уткнувшись ей между ног. Можно сказать, потираясь о червоточину всех моих внутренних проблем и противоречий. И она горячая, она кипяточная, блин... Член совсем сдурел в джинсах. Там такое, что лучше не думать. Вся кровь из организма, похоже, туда устремилась и мозги в кучу... И я ни на секунду не перестаю её целовать, чтобы не завизжала и не начала свою привычную истерику.

Через мгновение оказываемся на диване. Она на лопатках, я – на ней... Придавил так, что она просто вцепилась в мою кофту, и я слышу, как наше с ней дыхание сплетается воедино, заставляя меня чувствовать себя самым отбитым извращенцем. Я её хочу... До безумия. Ладонь сползает на нежное бедро. Собирает мурашки с её невинной бледной кожи. Не могу терпеть. Не могу даже чуть-чуть нажать на тормоза, поэтому провожу ею выше, окончательно задирая её платье, а она начинает давить на меня ладонями и пытается отпрянуть от моих губ, истерично задыхаясь подо мной.

– Ник... Ник, прекрати, Ник... Стой... – кое-как произносит, пока я засасываю кожу на её скулах. Прихватываю за шею, даже немного душу, когда целую. Никак не могу отойти, блядь. Глаза как чёрной пеленой накрыло... – Боже, Ник... Не надо...

– Заткнись...

– Нет, Ник... Подожди...

Вдыхаю запах её кожи и дурею ещё сильнее, ощущая, что у меня каждая клетка в организме наполняется чем-то новым. Каким-то инфильтратом, который делает меня животным, блядь. Заставляет меня хотеть её хрупкое тельце ещё сильнее... Вдолбить её в диван так, чтобы она плакала и стонала подо мной. Я только об этом и думаю...

– Прекрати! Что ты делаешь! Отпусти меня! – ощущаю, как её пальцы въедаются в мои плечи и волосы, оттягивая меня от себя с таким жжением, что искры из глаз сыплются, и я наконец начинаю приходить в себя, понимая, какую дичь только что натворил... Но это такой пиздец, если честно. Я будто в неадекват был. Под гипнозом. Сердце истошно долбится об грудную клетку.

Она задыхается, я нервно встаю с неё и чувствую, что мир под моими ногами рушится, как карточный домик, сука...

– Блядь! – рычу и тут же ухожу оттуда на улицу, пока она кричит мне в спину.

– Ник!

И всё... Хлопаю дверью... Иду напрямиком к тачке. Не осознаю, что и как... Зачем... Еблан, а... Чё натворил вообще?! Какая дичь только что произошла там?! У неё точно какие-то чары, блядь. Ведьма заебучая! Хомяк чёртгов! Ненавижу!

Сажусь за руль, хотя самого херачит из стороны в сторону. Завожу машину, уезжаю, увидев, как на территорию заезжает машина-такси. Видимо, Лёха уже Натаху привёз. И чудно,

блядь... Пускай там втроем отжигают... Может, она пьяная была, а?! Может не запомнит?! Сука!

Торможу на обочине и начинаю нещадно хуярить руль, издавая прерывистые автомобильные гудки. Сам себя предал! Сам себя подставил! Чёртов слабак!

От бессилия и осознания собственной тупости падаю башкой на руль. Теперь ещё и без телефона остался... Просто прекрасно! Спасибо, вселенная, сука!

Я в этот дом теперь ни ногой не хочу возвращаться... Но и на тусу ту не хочу. Вообще никуда...

Думаю, может, к матери приехать? Потому что не знаю, что ещё способно меня утешить... Я не в состоянии головой нормально думать, поэтому бросаю всё и выдвигаюсь в сторону нашей квартиры...

По пути немного успокаиваюсь... Она сама провоцировала. Смотрела так... Она, сука, хотела! Так же, как и я... Я, блин, не олень, чтобы не заметить... У нас просто гормональная зависимость и всё.

Приезжаю до нашего жилого комплекса уже в районе двух часов ночи... Я понимаю, что поздно, но... Звоню в домофон и слышу мамин перепуганный голос.

– Ник? Господи... – тут же открывает мне дверь, и я поднимаюсь вверх. Не пил даже, а чувствую себя в соплину уделанным.

Едва мама видит меня, как хмурится и обнимает на пороге квартиры.

– Что случилось?! Ты подрался? – захожу внутрь.

– Нет... Хуже...

– Что может быть хуже? С Кирой расстались?

– Нет... Точнее, да... Но я не из-за неё...

– А из-за чего тогда?

Нет, я не могу ей сказать. Это причинит ей ещё большую боль, нафиг. Это и меня самого разрывает. Так что нужно тупо забыть.

– Не важно, мам... Можно я у тебя переночую?!

– Конечно... Что за вопрос? Твоему отцу, наверное, некогда, естественно, пойдём, – обнимает меня за плечи, когда я стаскиваю с себя обувь, и она ведёт меня в мою старую комнату... А я ощущаю, что вся моя жизнь в одночасье пошла по пизде из-за одной грёбанной стервы...

– Вот, ложись, – стелет мама покрывало. – Завтра поговорим, да?

– Да, хорошо... Завтра...

Она выходит из комнаты, погасив свет, а я переворачиваюсь на живот и смотрю в окно, думая о том, как безумно облажался...

Глава 25.

Никита Хорольский

Это пиздец... Лавина с такой силой накрывает голову, что я не могу адекватно расценивать ситуацию... Я пропал, блядь, без вести, я труп, сука...

Не могу от неё оторваться. Эта злость вкупе с безумной тягой, которую я не в состоянии здраво оценить. Это помешательство. А она, блядь, так целуется, что лучше бы была. Лучше бы просто кусалась и царапалась, нахер. Потому что такое со мной творит, что словами не описать. Уже под кожей, в венах, слилась с кровью воедино, изменила меня изнутри. До скрежета, до скрипа, до тошноты... Скулит, всхлипывает, мычит. Чувствую, как её руки скребут мои плечи. И вкус её языка чувствую... Сладкий, ни с чем не сравнимый. Без сигарет, без отвратительных духов, даже бухла совсем немного, ровно столько, чтобы я тоже опьянел, нафиг, вместе с ней от одного только осознания, что впервые целую кого-то и не хочу, чтобы это заканчивалось, потому что психика уже сказала мне «прощай!». Адамово яблоко... Семь смертных грехов... Жалит и травит меня изнутри. Уничтожает.

– М, – издаёт совершенно надрывисто. На изломе. Чем, естественно, ещё сильнее меня провоцирует.

Сам не понимаю, что делаю, но уже сжимаю её задницу

через тонкую ткань задранного платья и тащу её на диван. Собирая все поверхности подряд. То к одной стене прижму, то к другой, с безумием уткнувшись ей между ног. Можно сказать, потираясь о червоточину всех моих внутренних проблем и противоречий. И она горячая, она кипяточная, блин... Член совсем сдурел в джинсах. Там такое, что лучше не думать. Вся кровь из организма, похоже, туда устремилась и мозги в кучу... И я ни на секунду не перестаю её целовать, чтобы не завизжала и не начала свою привычную истерику.

Через мгновение оказываемся на диване. Она на лопатках, я – на ней... Придавил так, что она просто вцепилась в мою кофту, и я слышу, как наше с ней дыхание сплетается воедино, заставляя меня чувствовать себя самым отбитым извращенцем. Я её хочу... До безумия. Ладонь сползает на нежное бедро. Собирает мурашки с её невинной бледной кожи. Не могу терпеть. Не могу даже чуть-чуть нажать на тормоза, поэтому провожу ею выше, окончательно задирая её платье, а она начинает давить на меня ладонями и пытается отпрянуть от моих губ, истерично задыхаясь подо мной.

– Ник... Ник, прекрати, Ник... Стой... – кое-как произносит, пока я засасываю кожу на её скулах. Прихватываю за шею, даже немного душу, когда целую. Никак не могу отойти, блядь. Глаза как чёрной пеленой накрыло... – Боже, Ник... Не надо...

– Заткнись...

– Нет, Ник... Подожди...

Вдыхаю запах её кожи и дурею ещё сильнее, ощущая, что у меня каждая клетка в организме наполняется чем-то новым. Каким-то инфильтратом, который делает меня животным, блядь. Заставляет меня хотеть её хрупкое тельце ещё сильнее... Вдолбить её в диван так, чтобы она плакала и стонала подо мной. Я только об этом и думаю...

– Прекрати! Что ты делаешь! Отпусти меня! – ощущаю, как её пальцы въедаются в мои плечи и волосы, оттягивая меня от себя с таким жжением, что искры из глаз сыплются, и я наконец начинаю приходить в себя, понимая, какую дичь только что натворил... Но это такой пиздец, если честно. Я будто в неадекват был. Под гипнозом. Сердце истошно долбится об грудную клетку.

Она задыхается, я нервно встаю с неё и чувствую, что мир под моими ногами рушится, как карточный домик, сука...

– Блядь! – рычу и тут же ухожу оттуда на улицу, пока она кричит мне в спину.

– Ник!

И всё... Хлопаю дверью... Иду напрямиком к тачке. Не осознаю, что и как... Зачем... Еблан, а... Чё натворил вообще?! Какая дичь только что произошла там?! У неё точно какие-то чары, блядь. Ведьма заебучая! Хомяк чёртгов! Ненавижу!

Сажусь за руль, хотя самого херачит из стороны в сторону. Завожу машину, уезжаю, увидев, как на территорию заезжает машина-такси. Видимо, Лёха уже Натаху привёз. И чудно,

блядь... Пускай там втроем отжигают... Может, она пьяная была, а?! Может не запомнит?! Сука!

Торможу на обочине и начинаю нещадно хуярить руль, издавая прерывистые автомобильные гудки. Сам себя предал! Сам себя подставил! Чёртов слабак!

От бессилия и осознания собственной тупости падаю башкой на руль. Теперь ещё и без телефона остался... Просто прекрасно! Спасибо, вселенная, сука!

Я в этот дом теперь ни ногой не хочу возвращаться... Но и на тусу ту не хочу. Вообще никуда...

Думаю, может, к матери приехать? Потому что не знаю, что ещё способно меня утешить... Я не в состоянии головой нормально думать, поэтому бросаю всё и выдвигаюсь в сторону нашей квартиры...

По пути немного успокаиваюсь... Она сама провоцировала. Смотрела так... Она, сука, хотела! Так же, как и я... Я, блин, не олень, чтобы не заметить... У нас просто гормональная зависимость и всё.

Приезжаю до нашего жилого комплекса уже в районе двух часов ночи... Я понимаю, что поздно, но... Звоню в домофон и слышу мамин перепуганный голос.

– Ник? Господи... – тут же открывает мне дверь, и я поднимаюсь вверх. Не пил даже, а чувствую себя в соплину уделанным.

Едва мама видит меня, как хмурится и обнимает на пороге квартиры.

– Что случилось?! Ты подрался? – захожу внутрь.

– Нет... Хуже...

– Что может быть хуже? С Кирой расстались?

– Нет... Точнее, да... Но я не из-за неё...

– А из-за чего тогда?

Нет, я не могу ей сказать. Это причинит ей ещё большую боль, нафиг. Это и меня самого разрывает. Так что нужно тупо забыть.

– Не важно, мам... Можно я у тебя переночую?!

– Конечно... Что за вопрос? Твоему отцу, наверное, некогда, естественно, пойдём, – обнимает меня за плечи, когда я стаскиваю с себя обувь, и она ведёт меня в мою старую комнату... А я ощущаю, что вся моя жизнь в одночасье пошла по пизде из-за одной грёбанной стервы...

– Вот, ложись, – стелет мама покрывало. – Завтра поговорим, да?

– Да, хорошо... Завтра...

Она выходит из комнаты, погасив свет, а я переворачиваюсь на живот и смотрю в окно, думая о том, как безумно облажался...

Глава 1.

Никита Хорольский

– О, какие люди... Ник... Даров... Какими судьбами?

– К матери приехал, – нехотя отвечаю бывшему соседу и некогда неплохому товарищу. Просто сто лет не виделись, как мы переехали отсюда в тот дом. И мне вообще стрёмно, что пересеклись сейчас. Я о старой жизни даже вспоминать не хочу. Не моё...

Ну и по роже моей видно всё, походу...

– Случилось чё?

– Не, норм, тороплюсь, – после неуместных расспросов мгновенно исчезаю в подъезде, поднимаясь на лифте на двадцатый этаж нашей элитной новостройки. Квартира у нас огромная и крутая, никто не спорит. Но я не представляю, в каком сейчас состоянии моя бедная мама... Всё-таки слышал же, что вчера ругались, сука... Как чувствовал.

Звоню в звонок и машинально весь скручиваюсь, когда она открывает дверь. Увидев её заплаканной, проглатываю тугой ком в горле. Никогда не мог выносить. Когда ругались с отцом, я всегда вставал на её сторону. И сейчас он поступил так подло, что я не просто против него. Я готов его задавить к херам за каждую слезинку, пролитою из её родных глаз.

– Мам...

– Ничего... Всё хорошо.

– Бл... – ругаюсь себе под нос и тут же прижимаю её к себе в прихожей. Дрожит, трясётся. А я никак повлиять на это не могу даже. Вот чё мне сделать? Ебало ему набить? А что толку? Что это исправит? – Какого чёрта... Как так вышло?

– Пойдём поговорим, раздевайся, – зовёт она меня и потом мы вместе идём на кухню, где она наливает нам обоим свой любимый зелёный чай с апельсинами и закутывается в тёплый кардиган. – Расскажи мне...

– Особо нечего... Ты её уже видел? – спрашивает, вздыхая. Глаза блестят, а голос дрожит... На изломе. И у меня самого скрипят зубы, кажется. От гнева на всю ситуацию, но в большей степени на борзого отца, который под сраку лет решил, видимо, что раз у него кризис среднего возраста, значит, ему всё можно... И пустился в разнос. Как конченный придурок.

– Видел... Откуда ты знаешь? Он сам рассказал?

– Уже давно рассказал... – опускает она расстроенный взгляд и смотрит в одну точку. Будто зависла... Молчала... Ждала чего-то. Мне ни хрена никто не говорил. Просто су-пер.

– Зачем же вы жили вместе? – спрашиваю, ведь для меня-то это стало подставой. Шоком... Ударом, блин! Прямо в самое сердце.

– Я выжидала... Надеялась сохранить наши отношения.

– Пиздец, – матерюсь, на что она хмурится и протягивает мне руку, состроив жалостливую гримасу. Чувствую себя

максимально выжато. И вроде взрослый уже. Мне девятнадцать. А всё равно внутри саднит как у малолетнего пиздюка, который в тайне мечтает, чтобы оба родителя были вместе, потому что один из них страдает от этого решения...

– Сынок... Не надо так. Не ругайся, ты ведь у меня такой хороший мальчик.

– Ага... Конечно.

– Слушай... Ну что она очень красивая? – спрашивает меня аккуратно. Конечно, мама хочет это знать. А у меня вся её красота смывается дерьмовым поступком. Я даже не разглядел, нафиг. Не смотрел на неё в таком ключе. Ибо мне похер, как она выглядит. Мама в любом случае лучше её, красивее, мудрее, нежнее... И ещё плюс сто пятьсот критериев для отца, чтобы подумал своей тупой башкой и не смел разрушать то, что они когда-то с такими силами создали! Она ведь помогла ему с колен встать... А эта на всё готовенькое...

– Нифига она не красивая! У неё ещё и прицеп имеется... Это жёсть какая-то... Надеюсь не от него, блин! – рычу я, а она мотает головой, улыбаясь.

– О... Она не может быть от него. Ей восемнадцать лет, дорогой...

– Чего?!

– Ну... Дочери Эльвиры восемнадцать лет... Я говорила твоему отцу, что это плохая идея, чтобы вы жили вместе. Но он настоял, что ты поможешь ей обосноваться в университете... Он уже рассказал? Ой, – замечает мой разъярённый

взгляд, замолкая. – Ещё нет?

– Он что её ещё и в универ мой запихал?!

– Да, дорогой... Запихал... Ничего не поделаешь, – пожимает мама плечами, вздыхая. – Но ты у меня умный мальчик. Тебя точно не удастся обкрутить вокруг пальца... Уж ты-то не отец...

– Думаешь... Она с ним из-за денег?

– Ой... Я не знаю, дорогой. С чего ты взял? – спрашивает она, потянувшись за чем-то в шкафчик. – Смотри, что купила...

– Блин... Круто конечно, – гляжу на любимую пачку печенья. – Но сейчас, мам... Мне кусок в горло не лезет. Я доехал-то кое-как.

– Понимаю, дорогой...

– Тебе нужно было мне сказать заранее... Я бы как-то решил.

– Ты же знаешь своего отца. Если моча в голову ударила уже ничего не поможет, Ник... А тут он жениться на ней собирается... – шепчет она с болью в голосе, а я охреневаю на месте.

– Что? Вы же не развелись ещё! – возмущаюсь я, стиснув челюсть и сжав кулаки.

– Ну с этим уж твой отец быстро справится...

– Не-а... А вот и хрен. Я не позволю этой выскочке занять твоё место!

Ощущаю, как меня сейчас разносит. Не представляю, как

она ещё держится. Мама всегда была сильной, вот и сейчас...

– Она никогда моё место не займёт... Не в твоём сердце, дорогой. А дом и твоего отца... Что ж... Пусть забирает, как и его бизнес.

– Щас, ага. Хер им обеим! – выдаю озлобленно, пока мама хихикает.

– Не глупи, сладкий... Всё образуется. Не будь очень груб. Ты у меня не такой...

О, дорогая мама. Ты даже не представляешь, какой я... Я этой сучке такую жизнь устрою, нахрен.

Восемнадцать, говоришь? Ну ок...

Проверим в полной ли мере она готова к последствиям за решения своей дорогуши – матери.

Возмездие не за горами. Я уже готов вершить правосудие...

Глава 26.

Евгения Хомова

После того, как Ник уехал, домой вернулись Лёша с Наташей, и наедине я ей всё рассказала... Мы болтали некоторое время, и каждый раз, когда я вспоминала его поступок, у меня внутри было беспокойно. Да нет... Там был настоящий ураган. Слезы не переставали литься, хотя я хорошо понимала, что рано или поздно должно было рвануть, но, наверное, не думала, что вот так скоро и столь сильно... Наверное, в моей голове скрывались картинки, где он бьёт меня, а не вот это всё...

Я сделала вид, что уснула, потому что мне казалось, Наташка уже хотела идти мыться. Сердце в груди до сих пор не может найти себе место. Я не знаю куда он уехал и зачем, но надеюсь лишь об одном... Что он не поехал к своей Кире или любой другой девушке. Не знаю почему... Но мне кажется, это причинило бы мне нестерпимую боль.

Я не могу уснуть. Сломала его телефон и теперь даже позвонить ему не могу. Чувствую себя очень плохо... И дело не в том, сколько я выпила. У меня от воспоминаний всё болит. Первый поцелуй...

Первый...

И у меня от него повсюду иголки. Трепет...

Не потому что не понравилось. А потому что очень,

безумно понравилось. Мне кажется, что где-то очень глубоко... Внутри моего подсознания я даже хотела и молила его об этом, как бы убого и тупо это не звучало. Всё вышло из-под контроля, но что, если в тайне, я хотела, чтобы это случилось? Вдруг он понял? Что если я как-то спалилась... Я же даже не отталкивала его вначале. И это вызывает у меня стыд и боль одновременно. Что мне делать? Как теперь с ним общаться? Смотреть в глаза? Разговаривать? Завтракать за одним столом, в конце концов??? Я не знаю... Но у меня чувство, словно я не смогу. Просто не выдержу...

Пока лежу и думаю, слышу, что подъезжает какая-то машина. На эмоциях бросаюсь к окну, надеясь увидеть его... Но...

Это мама и Сергей Николаевич... Выходят под руку и счастливо обнимаются, а у меня внутри всё падает вниз тяжёлым грузом. Не знаю, было бы мне легче, если бы он вернулся или же нет. Но я бы хотела понять, что этот поцелуй значил для него самого. Он сделала так со злости? Хотел так отомстить или что? Отобрав у меня то единственное и важное... Ценное для меня. То, что я хотела отдать по доброй воле особенному человеку... А теперь даже не могу винить его в этом, потому что всё сложилось так, как должно было...

Мне так и не удаётся уснуть, а Наташка не возвращается в комнату отчего-то. Но я догадываюсь почему. Возможно, они с Лёшей всё же нашли общий язык. Не знаю так ли это, но если вдруг, то я буду рада...

Всю ночь в непонятном полуразбитом состоянии, и проснуться удаётся только в двенадцать часов дня и то с ощущением, будто голову надвое поделили... Не знаю, вернулся ли он...

Умываюсь, прислушиваясь к звукам, но никого и ничего не слышу. Зато, когда спускаюсь вниз к Агате Степановне, она говорит, что с утра всё пусто пока, но завтрак уже готов...

Я принимаю её помощь, потому что очень голодная и у меня болит голова из-за этого...

Кушаю и всё время смотрю на телефон. Конечно, в сети он не появится... Как? Если я сделала всё, чтобы оставить его без связи, блин.

– У Вас всё в порядке?

– Да, спасибо Вам за завтрак. Очень вкусно. Я сама мою...

– Уверена?

– Да, я уверена... Можете идти, – отпускаю её и складываю посуду в раковину, чтобы хоть немного успокоиться. Когда я убираюсь или мою тарелки, мне становится легче. Кажется, так у большинства людей.

Я не могу перестать думать о нём. Но его точно нет, потому что, когда выглядываю в окно, не вижу его машины... Получается, он возненавидит меня отныне, да? Вообще перестанет тут жить? Переедет?

Столько мыслей и они пугают меня до чёртиков. Ещё совсем недавно я хотела, чтобы он исчез из этого дома, а сейчас... Я даже не знаю, что именно испытываю. Но мне это тоже не нравится.

Когда поднимаюсь наверх, соседняя дверь вдруг издаёт характерный скрип и я вижу Наташку, на цыпочках выходящую из комнаты Лёшу с растрёпанными в разные стороны волосами. В его футболке...

– Эм... А... – замираю и она шикает на меня, указывая в сторону моей комнаты...

Быстренько прячемся там и я смотрю на неё, не сводя глаз.

– Что? – поправляет волосы.

– Ни-че-го... Как бы... У вас что-то...

– Нет... Ну... Да, но... Не то, что ты подумала... В общем, это на один раз, – выдаёт он излишне равнодушно, но у самой горят щёки.

– Мне не стоит говорить об этом, да? Интересно ведь...

– Я сейчас не лучший собеседник, смотри, – показывает мне тремор своих конечностей и ржёт. – Я есть хочу...

– Я уже поела... Больше не будем так пить...

– Не будем, конечно... Что Ник? Говорили?

– Он не вернулся даже... Машины нет, – вздыхаю я, а она цокает.

– Придурок... Как же бесит, а... Только не грусти, – приобнимает она меня.

– Я не знаю, как буду с ним общаться, я...

– Я тоже не знаю, малыш... Я вообще поскорее сбежать отсюда планирую, – шепчет она в ответ, и я хватаю её за руку.

– Что?! Нееет! Как я без тебя, Таша?!

У неё бегают глаза, и она вздыхает.

– Не смогу тоже... С ним... Мне проще сбежать, Жень...

– Я... Ну как же...

– Вот так... Я сейчас быстренько такси вызову и слиняю...

Прости меня, прошу тебя... Но я не могу...

– Ладно...

Господи, что же между ними такого ночью случилось, что она берёт и уезжает на сутки раньше, при чём даже не поговорив с ним.

В глубине души я понимаю, что это не моё дело. Просто переживаю за них обоих. Особенно за неё, конечно.

Она быстрее пули собирает свою сумку и говорит, что за ней уже приехала машина... Мне приходится проводить её.

И я очень не рада, что она так скоро оставляет меня, но Наташа говорит, что всегда со мной на связи... Я это понимаю. Мы можем переписываться... Только мне было бы лучше будь она рядом со мной...

Трагедия происходит тогда, когда в коридоре я встречаю заспанного довольного Лёху...

– А где? Доброе утро...

– Она уехала... – сообщаю ему, вызвав недоумение.

– В смысле? Уехала... Не понял...

– Ну вот так... Просто она что-то... В общем ей нужно

было и...

– Пиздец... А Ник чё?

– Он не вернулся...

– Охуенно просто, – выдаёт он, и мы оба с ним стоим как брошенки в коридоре, после чего он идёт ко мне и обнимает меня. – Ты чё плакала? У тебя глаза такие красные...

– Угу... Немного...

– Расскажешь, что случилось?

– Нет... Не смогу...

– Ладно, я под шкуру лезть не буду... Но... Ты же скажешь мне, как мне найти её, да?

– Ты уверен, что хочешь этого? Она ведь уехала... Сама...

– Я в курсе. И чё теперь? Мне сдаться?

– Я не знаю... А что у вас?

– Хер знает... Что-то странное... – выдыхает он со смехом. – Она на всю голову у тебя стрельнутая...

– И?

– И я буду не я, если потеряю такой экземпляр, – ржёт он, похлопывая меня по плечам, а потом мы слышим звуки входной двери... И наши глаза встречаются...

Господи, это Ник... Он вернулся.

Слышу тяжёлые шаги вверх по лестнице и тут же убегая в свою комнату, заперевшись на замок. Я не смогу видеть его глаза...

Лучше убейте меня после всего...

Глава 26.

Евгения Хомова

После того, как Ник уехал, домой вернулись Лёша с Наташей, и наедине я ей всё рассказала... Мы болтали некоторое время, и каждый раз, когда я вспоминала его поступок, у меня внутри было беспокойно. Да нет... Там был настоящий ураган. Слезы не переставали литься, хотя я хорошо понимала, что рано или поздно должно было рвануть, но, наверное, не думала, что вот так скоро и столь сильно... Наверное, в моей голове скрывались картинки, где он бьёт меня, а не вот это всё...

Я сделала вид, что уснула, потому что мне казалось, Наташка уже хотела идти мыться. Сердце в груди до сих пор не может найти себе место. Я не знаю куда он уехал и зачем, но надеюсь лишь об одном... Что он не поехал к своей Кире или любой другой девушке. Не знаю почему... Но мне кажется, это причинило бы мне нестерпимую боль.

Я не могу уснуть. Сломала его телефон и теперь даже позвонить ему не могу. Чувствую себя очень плохо... И дело не в том, сколько я выпила. У меня от воспоминаний всё болит. Первый поцелуй...

Первый...

И у меня от него повсюду иголки. Трепет...

Не потому что не понравилось. А потому что очень,

безумно понравилось. Мне кажется, что где-то очень глубоко... Внутри моего подсознания я даже хотела и молила его об этом, как бы убого и тупо это не звучало. Всё вышло из-под контроля, но что, если в тайне, я хотела, чтобы это случилось? Вдруг он понял? Что если я как-то спалилась... Я же даже не отталкивала его вначале. И это вызывает у меня стыд и боль одновременно. Что мне делать? Как теперь с ним общаться? Смотреть в глаза? Разговаривать? Завтракать за одним столом, в конце концов??? Я не знаю... Но у меня чувство, словно я не смогу. Просто не выдержу...

Пока лежу и думаю, слышу, что подъезжает какая-то машина. На эмоциях бросаюсь к окну, надеясь увидеть его... Но...

Это мама и Сергей Николаевич... Выходят под руку и счастливо обнимаются, а у меня внутри всё падает вниз тяжёлым грузом. Не знаю, было бы мне легче, если бы он вернулся или же нет. Но я бы хотела понять, что этот поцелуй значил для него самого. Он сделала так со злости? Хотел так отомстить или что? Отобрав у меня то единственное и важное... Ценное для меня. То, что я хотела отдать по доброй воле особенному человеку... А теперь даже не могу винить его в этом, потому что всё сложилось так, как должно было...

Мне так и не удаётся уснуть, а Наташка не возвращается в комнату отчего-то. Но я догадываюсь почему. Возможно, они с Лёшей всё же нашли общий язык. Не знаю так ли это, но если вдруг, то я буду рада...

Всю ночь в непонятном полуразбитом состоянии, и проснуться удаётся только в двенадцать часов дня и то с ощущением, будто голову надвое поделили... Не знаю, вернулся ли он...

Умываюсь, прислушиваясь к звукам, но никого и ничего не слышу. Зато, когда спускаюсь вниз к Агате Степановне, она говорит, что с утра всё пусто пока, но завтрак уже готов...

Я принимаю её помощь, потому что очень голодная и у меня болит голова из-за этого...

Кушаю и всё время смотрю на телефон. Конечно, в сети он не появится... Как? Если я сделала всё, чтобы оставить его без связи, блин.

– У Вас всё в порядке?

– Да, спасибо Вам за завтрак. Очень вкусно. Я сама мою...

– Уверена?

– Да, я уверена... Можете идти, – отпускаю её и складываю посуду в раковину, чтобы хоть немного успокоиться. Когда я убираюсь или мою тарелки, мне становится легче. Кажется, так у большинства людей.

Я не могу перестать думать о нём. Но его точно нет, потому что, когда выглядываю в окно, не вижу его машины... Получается, он возненавидит меня отныне, да? Вообще перестанет тут жить? Переедет?

Столько мыслей и они пугают меня до чёртиков. Ещё совсем недавно я хотела, чтобы он исчез из этого дома, а сейчас... Я даже не знаю, что именно испытываю. Но мне это тоже не нравится.

Когда поднимаюсь наверх, соседняя дверь вдруг издаёт характерный скрип и я вижу Наташку, на цыпочках выходящую из комнаты Лёшу с растрёпанными в разные стороны волосами. В его футболке...

– Эм... А... – замираю и она шикает на меня, указывая в сторону моей комнаты...

Быстренько прячемся там и я смотрю на неё, не сводя глаз.

– Что? – поправляет волосы.

– Ни-че-го... Как бы... У вас что-то...

– Нет... Ну... Да, но... Не то, что ты подумала... В общем, это на один раз, – выдаёт он излишне равнодушно, но у самой горят щёки.

– Мне не стоит говорить об этом, да? Интересно ведь...

– Я сейчас не лучший собеседник, смотри, – показывает мне тремор своих конечностей и ржёт. – Я есть хочу...

– Я уже поела... Больше не будем так пить...

– Не будем, конечно... Что Ник? Говорили?

– Он не вернулся даже... Машины нет, – вздыхаю я, а она цокает.

– Придурок... Как же бесит, а... Только не грусти, – приобнимает она меня.

– Я не знаю, как буду с ним общаться, я...

– Я тоже не знаю, малыш... Я вообще поскорее сбежать отсюда планирую, – шепчет она в ответ, и я хватаю её за руку.

– Что?! Нееет! Как я без тебя, Таша?!

У неё бегают глаза, и она вздыхает.

– Не смогу тоже... С ним... Мне проще сбежать, Жень...

– Я... Ну как же...

– Вот так... Я сейчас быстренько такси вызову и слиняю...

Прости меня, прошу тебя... Но я не могу...

– Ладно...

Господи, что же между ними такого ночью случилось, что она берёт и уезжает на сутки раньше, при чём даже не поговорив с ним.

В глубине души я понимаю, что это не моё дело. Просто переживаю за них обоих. Особенно за неё, конечно.

Она быстрее пули собирает свою сумку и говорит, что за ней уже приехала машина... Мне приходится проводить её.

И я очень не рада, что она так скоро оставляет меня, но Наташа говорит, что всегда со мной на связи... Я это понимаю. Мы можем переписываться... Только мне было бы лучше будь она рядом со мной...

Трагедия происходит тогда, когда в коридоре я встречаю заспанного довольного Лёху...

– А где? Доброе утро...

– Она уехала... – сообщаю ему, вызвав недоумение.

– В смысле? Уехала... Не понял...

– Ну вот так... Просто она что-то... В общем ей нужно

было и...

– Пиздец... А Ник чё?

– Он не вернулся...

– Охуенно просто, – выдаёт он, и мы оба с ним стоим как брошенки в коридоре, после чего он идёт ко мне и обнимает меня. – Ты чё плакала? У тебя глаза такие красные...

– Угу... Немного...

– Расскажешь, что случилось?

– Нет... Не смогу...

– Ладно, я под шкуру лезть не буду... Но... Ты же скажешь мне, как мне найти её, да?

– Ты уверен, что хочешь этого? Она ведь уехала... Сама...

– Я в курсе. И чё теперь? Мне сдаться?

– Я не знаю... А что у вас?

– Хер знает... Что-то странное... – выдыхает он со смехом. – Она на всю голову у тебя стрелнутая...

– И?

– И я буду не я, если потеряю такой экземпляр, – ржёт он, похлопывая меня по плечам, а потом мы слышим звуки входной двери... И наши глаза встречаются...

Господи, это Ник... Он вернулся.

Слышу тяжёлые шаги вверх по лестнице и тут же убегая в свою комнату, заперевшись на замок. Я не смогу видеть его глаза...

Лучше убейте меня после всего...

Глава 27.

Никита Хорольский

– Просыпайся, дорогой... Уже одиннадцать...

Слышу, как мама раскрывает шторы и солнечный свет сразу же проникает в комнату. А у меня чувство, словно я сгораю из-за этого прямо на месте. Будто получаю ожоги, несовместимые с жизнью. Она мне всю ночь снилась. Точнее, ту часть, когда я всё же спал, а всё остальное время я просто думал о ней. Не переставая. О том, что натворил. О том, как чуть не трахнул, и всё внутри меня сжалось до размеров одной маленькой точки, которая хоть и крошечная, зато способная разорвать меня к хуям в клочья. У меня нет шансов. Потому что я даже не смог ночь продержаться... Я, блядь, только и делал, что задерживал дыхание, чтобы не чувствовать её запах и тело под собой. А она всё равно лежала и отзывалась. Во сне... Что за залупа, вообще?! Было ощущение острой фазы какого-то ранее неизвестного мне заболевания... Смертельного, сука!

– Встаю...

– Я там завтрак сделала. Ну, как ты? – садится мама рядом и смотрит на меня тревожным взглядом, а я с трудом могу рассмотреть её лицо, потому что открыл только один глаз...

– Спать хочу.

– Я вижу – да. Но мы должны поговорить...

– Да, я помню, ща я... Душ приму...

– Давай, дорогой, жду тебя на кухне, – говорит мама и уходит, пока я смотрю ей вслед, мельком оценивая помещение при свете дня. Когда-то эта комната казалась мне больше. Важнее, что ли... Сейчас же всё обросло паутиной в сознании. Вообще не помню время, когда был тут мелким... Когда смотрел на мир без злобы и ненависти. Словно и не было... Не знаю, в какой момент всё стало не так. Тогда или же сейчас? Я порой самого себя понять не могу... Не то, что оценить всю катастрофичность ситуации вокруг меня...

Быстро моюсь, пытаюсь привести себя в порядок. В первую очередь мысли... Потому что она их не покидает. Вцепилась как клещ и никак не хочет выходить. Знаю, что сам виноват. Не её заслуга... Она ведь даже не предпринимала прямых действий, это я всё... У меня сорвало внутри. Она ни при чём. Но, сука, я продолжаю её ненавидеть. Просто за то, что к ней ощущаю. За то, что сидит внутри меня и никак оттуда не вылезает.

Смотрю на себя в зеркало и ощущение, что глаза горят. Покрасневшие, но... Дело будто не в этом. Как ширнулся, честное слово. Пиздец...

То ли меня с неё так вынесло, то ли я просто уже начал сходить с ума. Никогда ещё не ощущал настолько губительной связи к человеку. Даже с Кирой у меня не так было. Одно дело – симбиоз, совсем другое – паразитизм. Я не верю в то, что она способна дать мне что-то. Только брать... Да

не просто брать, а вырывать с корнями. Ведь уже половину души, нахуй, вынула... Лишила сна. Вырезала кусок меня... Заставила хотеть. Но хуже то, что я начал её защищать. Что посчитал, будто она достойна моей защиты. Моего внимания и мне из-за этого так хреново... Словно хомяк начала менять структуру моего ДНК. А вот хуй ей! Не впущу, сука... Даже после душа мысли о ней не пропадают, а только усиливаются.

К матери на кухню прихожу уже более-менее бодрым, хоть и всё ещё несчастным.

– Вот. Твой кофе...

– Спасибо... Как ты здесь?

– Я звонила... Ты не отвечал...

– Я знаю... Я был... Немного занят... – виновато смотрю на маму, а она усмехается. Знаю, что дерьмово себя повёл, с учётом того, сколько она натерпелась от отца. Я так не хочу её подводить. Мне больше даже смотреть на её уставшее измученное лицо не кажется возможным.

– Знаю-знаю, чем мой сын бывает занят... Ты, как и твой отец, отличаетесь исключительной важностью своих дел...

– Я не как отец... Не говори так, – хмурюсь, на что мама вздыхает и садится напротив, протянув мне тарелку с завтраком. А у меня даже ведь не похмелье... Но боль такая, что не пойму, где курсирует. Бродит по организму, словно айсберг в океане и ждёт, кого бы отправить на дно... Жаль, что это в любом случае буду я.

– Вчера я узнала, что мой любимый муж, ещё будучи в браке, закрыл огромный кредит Эльвиры... С нашего общего счёта... Даже не спросив у меня, представляешь?

Я молчу, проглатывая ком, и мне теперь кусок в горло не лезет.

– Насколько огромный?

– Гигантский, Ник... Не знаю уж на что она там брала... Но этот факт меня сильно ранил, – говорит мама сдавленно. – Ощущение, что те годы, что я посвятила твоему отцу я была лишь пешкой на поле... А сколько я вложила... Будто ничего. Пустой звук... Столь подло с общего счёта...

У меня теперь внутри всё мечется от тревоги.

– Значит... Он даже не звонил тебе? Не общаетесь?

– Нет, он очень давно не спрашивал, как я... Ну ещё бы. Ему ведь некогда. Он занят Эльвирой и её долговыми обязательствами... А ещё... – выдыхает мама медленно.

– Что?

– А ещё он открыл счёт на её имя... Целый счёт, Ник...

– Откуда... Ты знаешь?

– Земля круглая. У нас общие связи... Не знаю, что эта вертихвостка задумала, но... Мне крайне неприятно говорить об этом...

Пиздец. Меня сейчас будто поезд переехал... Добейте, пожалуйста. Не могу это дерьмо слушать.

От самого себя теперь тошно. И, естественно, я меняюсь в лице, оставив тарелку в сторону.

– Что такое, Ник? Перехотел есть?

– Я виноват перед тобой...

Она молчит и изучает меня нахмуренно и испуганно. А у меня внутри всё переворачивается и, кажется, словно я самый дерьмовый сын на свете. Недостойный человек. Гнида просто какая-то. Прямо как отец... Она права.

– Я... Проявил несдержанность в отношении её дочери... И мы с ней... Мы вчера поцеловались... – смотрю куда угодно только не матери в глаза, пока её взгляд напротив – направлен только на меня.

– И... Ты что-то чувствуешь к ней? – дрожит её голос, и внутри меня тоже землетрясение после этих признаний, блин.

– Нет. Совсем нет... Кроме ненависти, злости... Возможно... Что-то чисто физическое... Телесное... – даже слов подобрать не могу, потому что не скажешь же матери, что я просто хотел её трахнуть, но мама всё равно осуждающе на меня смотрит.

– Значит, телесное?

– На один раз только, я... Этого больше не повторится...

Мама выдыхает и скрещивает на столе руки.

– Да нет же, напротив... Возможно, вам стоит подружиться...

– В смысле?

– В смысле... Ну, знаешь... Может, стоит быть немного более открытыми друг с другом... Ты же знаешь, как де-

вочки её возраста легко влюбляются... Особенно в таких мальчиков, как ты... Где-то понежнее, где-то осознать свои ошибки... Для вида, Ник... Просто показать ей, что ты бываешь другим, да? Тем более, ты свободен теперь...

– Зачем, я не понимаю...

– Это ведь козырь в рукаве, сынок... – касается она моего лица. – Мы поступим вот как...

Глава 27.

Никита Хорольский

– Просыпайся, дорогой... Уже одиннадцать...

Слышу, как мама раскрывает шторы и солнечный свет сразу же проникает в комнату. А у меня чувство, словно я сгораю из-за этого прямо на месте. Будто получаю ожоги, несовместимые с жизнью. Она мне всю ночь снилась. Точнее, ту часть, когда я всё же спал, а всё остальное время я просто думал о ней. Не переставая. О том, что натворил. О том, как чуть не трахнул, и всё внутри меня сжалось до размеров одной маленькой точки, которая хоть и крошечная, зато способная разорвать меня к хуям в клочья. У меня нет шансов. Потому что я даже не смог ночь продержаться... Я, блядь, только и делал, что задерживал дыхание, чтобы не чувствовать её запах и тело под собой. А она всё равно лежала и отзывалась. Во сне... Что за залупа, вообще?! Было ощущение острой фазы какого-то ранее неизвестного мне заболевания... Смертельного, сука!

– Встаю...

– Я там завтрак сделала. Ну, как ты? – садится мама рядом и смотрит на меня тревожным взглядом, а я с трудом могу рассмотреть её лицо, потому что открыл только один глаз...

– Спать хочу.

– Я вижу – да. Но мы должны поговорить...

– Да, я помню, ща я... Душ приму...

– Давай, дорогой, жду тебя на кухне, – говорит мама и уходит, пока я смотрю ей вслед, мельком оценивая помещение при свете дня. Когда-то эта комната казалась мне больше. Важнее, что ли... Сейчас же всё обросло паутиной в сознании. Вообще не помню время, когда был тут мелким... Когда смотрел на мир без злобы и ненависти. Словно и не было... Не знаю, в какой момент всё стало не так. Тогда или же сейчас? Я порой самого себя понять не могу... Не то, что оценить всю катастрофичность ситуации вокруг меня...

Быстро моюсь, пытаюсь привести себя в порядок. В первую очередь мысли... Потому что она их не покидает. Вцепилась как клещ и никак не хочет выходить. Знаю, что сам виноват. Не её заслуга... Она ведь даже не предпринимала прямых действий, это я всё... У меня сорвало внутри. Она ни при чём. Но, сука, я продолжаю её ненавидеть. Просто за то, что к ней ощущаю. За то, что сидит внутри меня и никак оттуда не вылезает.

Смотрю на себя в зеркало и ощущение, что глаза горят. Покрасневшие, но... Дело будто не в этом. Как ширнулся, честное слово. Пиздец...

То ли меня с неё так вынесло, то ли я просто уже начал сходить с ума. Никогда ещё не ощущал настолько губительной связи к человеку. Даже с Кирой у меня не так было. Одно дело – симбиоз, совсем другое – паразитизм. Я не верю в то, что она способна дать мне что-то. Только брать... Да

не просто брать, а вырывать с корнями. Ведь уже половину души, нахуй, вынула... Лишила сна. Вырезала кусок меня... Заставила хотеть. Но хуже то, что я начал её защищать. Что посчитал, будто она достойна моей защиты. Моего внимания и мне из-за этого так хреново... Словно хомяк начала менять структуру моего ДНК. А вот хуй ей! Не впущу, сука... Даже после душа мысли о ней не пропадают, а только усиливаются.

К матери на кухню прихожу уже более-менее бодрым, хоть и всё ещё несчастным.

– Вот. Твой кофе...

– Спасибо... Как ты здесь?

– Я звонила... Ты не отвечал...

– Я знаю... Я был... Немного занят... – виновато смотрю на маму, а она усмехается. Знаю, что дерьмово себя повёл, с учётом того, сколько она натерпелась от отца. Я так не хочу её подводить. Мне больше даже смотреть на её уставшее измученное лицо не кажется возможным.

– Знаю-знаю, чем мой сын бывает занят... Ты, как и твой отец, отличаетесь исключительной важностью своих дел...

– Я не как отец... Не говори так, – хмурюсь, на что мама вздыхает и садится напротив, протянув мне тарелку с завтраком. А у меня даже ведь не похмелье... Но боль такая, что не пойму, где курсирует. Бродит по организму, словно айсберг в океане и ждёт, кого бы отправить на дно... Жаль, что это в любом случае буду я.

– Вчера я узнала, что мой любимый муж, ещё будучи в браке, закрыл огромный кредит Эльвиры... С нашего общего счёта... Даже не спросив у меня, представляешь?

Я молчу, проглатывая ком, и мне теперь кусок в горло не лезет.

– Насколько огромный?

– Гигантский, Ник... Не знаю уж на что она там брала... Но этот факт меня сильно ранил, – говорит мама сдавленно. – Ощущение, что те годы, что я посвятила твоему отцу я была лишь пешкой на поле... А сколько я вложила... Будто ничего. Пустой звук... Столь подло с общего счёта...

У меня теперь внутри всё мечется от тревоги.

– Значит... Он даже не звонил тебе? Не общаетесь?

– Нет, он очень давно не спрашивал, как я... Ну ещё бы. Ему ведь некогда. Он занят Эльвирой и её долговыми обязательствами... А ещё... – выдыхает мама медленно.

– Что?

– А ещё он открыл счёт на её имя... Целый счёт, Ник...

– Откуда... Ты знаешь?

– Земля круглая. У нас общие связи... Не знаю, что эта вертихвостка задумала, но... Мне крайне неприятно говорить об этом...

Пиздец. Меня сейчас будто поезд переехал... Добейте, пожалуйста. Не могу это дерьмо слушать.

От самого себя теперь тошно. И, естественно, я меняюсь в лице, отставив тарелку в сторону.

– Что такое, Ник? Перехотел есть?

– Я виноват перед тобой...

Она молчит и изучает меня нахмуренно и испуганно. А у меня внутри всё переворачивается и, кажется, словно я самый дерьмовый сын на свете. Недостойный человек. Гнида просто какая-то. Прямо как отец... Она права.

– Я... Проявил несдержанность в отношении её дочери... И мы с ней... Мы вчера поцеловались... – смотрю куда угодно только не матери в глаза, пока её взгляд напротив – направлен только на меня.

– И... Ты что-то чувствуешь к ней? – дрожит её голос, и внутри меня тоже землетрясение после этих признаний, блин.

– Нет. Совсем нет... Кроме ненависти, злости... Возможно... Что-то чисто физическое... Телесное... – даже слов подобрать не могу, потому что не скажешь же матери, что я просто хотел её трахнуть, но мама всё равно осуждающе на меня смотрит.

– Значит, телесное?

– На один раз только, я... Этого больше не повторится...

Мама выдыхает и скрещивает на столе руки.

– Да нет же, напротив... Возможно, вам стоит подружиться...

– В смысле?

– В смысле... Ну, знаешь... Может, стоит быть немного более открытыми друг с другом... Ты же знаешь, как де-

вочки её возраста легко влюбляются... Особенно в таких мальчиков, как ты... Где-то понежнее, где-то осознать свои ошибки... Для вида, Ник... Просто показать ей, что ты бываешь другим, да? Тем более, ты свободен теперь...

– Зачем, я не понимаю...

– Это ведь козырь в рукаве, сынок... – касается она моего лица. – Мы поступим вот как...

Глава 2.

Евгения Хомова

– Хотя бы пиши мне, ладно, хома?

– Ладно... Я буду писать, конечно, ты что, Таш? – улыбаюсь, обнимая свою подружку. Я совсем не рада тому, что мы переезжаем в другой город с мамой, но дело ведь не только в её отношениях с Сергеем Николаевичем, но и в моём поступлении в университет. Я мечтала об этом, хоть и понимаю, что за меня частично похлопотали. Просто мне так хотелось стать частью чего-то большего. Интересного... Я думаю, что буду делать всё для того, чтобы задержаться там.

Вроде как все вещи собрали, а на душе всё равно неурядица. У меня так всегда. Этот раз – не исключение.

Я очень тяжело привыкаю ко всему новому. Но пора двигаться дальше.

Тем более, что мама наконец решилась съехаться с тем, кого полюбила всем сердцем. После отца это было очень тяжело. Ужасно, я бы даже сказала. Я думала, что она никогда не отойдёт от этих тяжёлых отношений. Но я сама даже не желаю его знать теперь. Просто потому что там, где мой отец, всё только самое негативное. Ссоры, скандалы, эмоциональные качели, постоянный абюз. Я вдоволь насмотрелась в своё время и больше не желаю.

А с Сергеем у них как-то сразу возникло. Я помню, как

тогда загорелись её глаза. Она сильно переживала из-за того, что он был женат, и никак не соглашалась на близость. А потом...

Он расставил все точки над «і», как я поняла. Вот только теперь у мамы другая головная боль. Она волнуется из-за того правильно ли поступила. Мечется меж двух огней. Я ощущаю по её внутреннему состоянию. Ей плохо из-за того, что она является причиной их раздора. Хотя Сергей говорил, что всё давно пошло по наклонной... И не она то самое яблоко...

– Готовы, девочки? Наташ, ну ты прям вцепилась в неё... Ну, даёте! – уходит мама с очередной порцией вещей на улицу, чтобы загрузить их в багажник и смеётся над нами, а мы с подругой остаёмся в квартире вдвоём.

Быть может и глупо, что мы так обнимаемся. А что поделать, если сердце болит? Так не хочу прощаться...

– Я буду очень-очень скучать... Безумно.

– И я буду, Наташка... – беру последний свой цветочный горшок и книгу, запаковывая те в коробку, а она насмехается надо мной. Как обычно. Мне кажется, иначе уже быть не может. Мы постоянно друг друга подкалываем. Любя, разумеется.

– Думаешь, там таких нет? – издевается, хихикая.

– Думаю, что я люблю всё своё... А чужое – не очень... – отрезаю я с улыбкой.

– Ты как обычно. Тогда уж и туалетную бумагу с собой

возьми! – ржёт она, пока я вздыхаю в ответ.

– Она у них там, наверное, из золота сделана... Точно надо взять свою...

– Ахахахаха ты неисправима, – продолжает она ржать надо мной.

– Принимайте такую, какая есть или нет...

– У него ведь есть сын, да? – спрашивает Наташка шёпотом, толкнув меня в плечо и играя своими бровями. Вот дуручка.

Она, кстати, знает моё отношение к парням. Я с ними дружу, но не встречаюсь. Точнее, ни разу не встречалась. Это для меня что-то запредельное.

– Даже если и есть, я навязываться не собираюсь, пытаться дружить или общаться... Мама говорила, что он может быть не особо приветлив... Так сказал ей Сергей.

– Капец... Расскажешь потом, – вздыхает она, ведь скорее всего даже не понимает с какой именно семейкой мне предстоит иметь дело. Нет, к Сергею у меня претензий нет, а вот про его жену я наслышана от мамы... Она не говорила плохого, но сразу объяснила, что они ещё не развелись и там всё очень-очень сложно. И я не сержусь на неё за отношения с женатым. Потому что они давно не любят друг друга, как я поняла. В чём же тогда смысл жить вместе, правда? Как и моим родителям тоже. Кстати, в любовь я верю. Очень даже... Но в более рассудительном возрасте. В моём же – это просто дурацкие гормоны, как правило. И я не ведусь на это.

– Расскажу. С кем мне ещё делиться? Жаль ты туда не поступила...

– Ага, туда берут только по блату. Вот, пожалуйста! – бросает она мне и снова ржёт.

– Мама с ним не из-за денег... – хмурюсь я, потому что не хочу, чтобы она так говорила. Уверена, полно будет желающих высказать мне подобное. И не раз. А тут лучшая и единственная подруга. И как бы мы там с ней не привыкли стебаться, это уже перебор.

– Да я шучу же... – обнимает меня снова. – Иди сюда...

– Наташ, мне правда страшно...

– Звони мне тогда. Как приспичит, сразу звони. Я на связи, ладно, хомыч? – смеётся надо мной и щелкает по носу. Уже по привычке. Мы ведь всегда так делаем. Дружим с детства. Вместе учились в школе. И вот наши пути разошлись... А это всегда так волнительно, не правда ли?

Мне кажется, я стою на пороге чего-то огромного... И очень-очень важного. Того, что в итоге приведёт меня к тому, чем я хочу заниматься в жизни.

– Ладно, Наташ... Пора тащить последние коробки. Идём...

Загружаемся мы достаточно быстро. Мама за рулём нашего старенького приуса. Я смотрю на наш дом с грустью и вспоминаю всё хорошее. Знаю, что пора отпустить и думать о будущем. Хотя бы ради мамы.

– Ну всё, пока, родная...

– Пока! – машет нам подружка, провожая нас, и кажется, ревёт... Да и я тоже.

Мама сразу же замечает и хмурится, когда садится за руль, а я пристёгиваюсь, глядя на Наташку в зеркало заднего вида.

– Малыш...

– Всё в порядке. Пора взрослеть, да? Я и так собиралась поступать в другой город...

– Этот расклад нравится мне больше. Тем более, что Серёжа всё решил... Мы приедем и всё будет хорошо, – говорит она, пока я смотрю на неё искоса.

– В смысле? Что решил?

– Ну... Ситуацию с Никитой...

– Это который его сын? – спрашиваю я равнодушно, делая вид, что не запомнила его имя. Мама уже говорила, что он может быть против. И на самом деле я даже немного успела пострессовать на этот счёт. Но сейчас она уверенно кивает и убеждает меня, что с его стороны в мой адрес нападков не будет. – Хорошо. Я рада...

Ехать до соседнего города три часа, и всю дорогу мы с мамой болтаем обо всём подряд. Конечно я переживаю из-за того, как мы будем дальше общаться с Ташей, но... Каждый раз напоминаю себе, что можно дружить и на расстоянии, не видя друг друга 24 на 7. Это ведь не главное...

Я наслышана про их дом. Уже заранее примерно понимаю, что увижу...

Ну, я так думаю.

До определенного момента, пока наша с мамой машина не пересекает черту их огромной обители... Гравиевая дорожка ведёт к массивной дверце из благородного тёмного дерева, украшенной бронзовой решёткой с узорами львов.

Это не просто особняк, блин. Это целая плантация. Господи, как же вычурно.

Словно ожившая сказка из старинных легенд, а не дом, блин. Я такое только в мультиках видела... Его мощные колонны устремляются ввысь, поддерживая огромный портик. Стены, выложенные из светлого мрамора, блестят под яркими лучами солнца, отражая золотистый свет, который сегодня никого не щадит. Даже жалит.

Огромные окна с изящными резными рамами, украшенными витиеватыми узорами, словно чьи-то глаза, пристально наблюдают за каждым моим движением. Меня передёргивает. Витражи переливаются всеми цветами радуги, создавая игру света и тени на каменной мостовой. Крыша, покрытая чёрной черепицей, гармонично контрастирует с белоснежными фасадами, придавая строению строгость, но и элегантность, должна признать. Что-то в этом есть... Но я бы так делать не стала.

По обеим сторонам главного входа растут величественные кипарисы. Перед особняком раскинулся идеально ухоженный сад: густая зелень изгородей плавно переходит в яркие клумбы с ароматными розами и пышными пионовидными цветами. Судя по всему, его мать всем этим занималась.

Вообще цветы я люблю...

Но обо всём этом могу сказать только одно – это место дышит роскошью или же задыхается в ней.

Сергей сейчас на какой-то крупной сделке, поэтому мы одни. Он сказал, что нам помогут разложить вещи. У него здесь даже есть рабочая сила, как я поняла. Охрана, экономка, ещё кто-то. Господи, я даже не разбираюсь в названиях этих профессий, если честно. Но мне не стыдно. Я и не хочу быть такой, как они.

– Ого... – выдаю я, рассматривая фасад и окрестности.

– Я знала, что тебе понравится... – улыбается мама, но на деле она так шутит. Я особо не люблю такие места. Где слишком огромные холодные комнаты. Я больше по уютным небольшим домикам в пятьдесят квадратов. Это точно моё...

Закидываю рюкзак на плечо, и мама ведёт меня вверх по их шикарному крыльцу.

– Серёжа сказал, что приедет после восьми вечера. А мы пока можем тут располагаться с тобой. Выберешь комнату. Да, милая?

– Угу, хорошо...

Заходя внутрь, уже ощущаю здесь какой-то неприятный осадок. Не знаю предчувствие это или интуиция, но здесь я совсем не в своей тарелке.

Сквозь широкие окна зала льётся мягкий свет, играя на хрустальных люстрах, висящих под высоким потолком,

украшенным золотистыми лепными узорами. В глаза бросается камин в просторной гостиной. Мраморные полы сверкают, отражая изящные мебельные силуэты из тёмного дерева и бархата – всё здесь подобрано с определенным вкусом. Вкусом, который мне вообще не нравится.

По стенам – картины в тяжёлых позолоченных рамах, а огромные книжные шкафы с антикварными томами тянутся до самого потолка, создавая ощущение давления со всех сторон. В каждом уголке витает напряжение. Это не для меня. Не для нас с мамой, точно.

– Ну как? – будто читает она мои мысли, ведь у меня скривилось лицо. Чисто непроизвольно при виде всего этого праздника жизни.

– Ну... Большой... – отвечаю, пока мама приобнимает меня за плечо.

– Да, брось, доча... Выше нос. Смотри, – улыбается она и танцует.

– Рада, что у тебя хорошее настроение, – смеюсь в ответ, а потом начинаю приглядываться к стенам, от которых так и прёт какой-то помпезностью и показухой. Ремонт мне совершенно не нравится. Но мама говорила, что лезть в это не планирует. Мол тут всё создавала его жена, и она не хочет вторгаться в хрупкую душевную организацию мальчика по имени Никита, который привык видеть здесь всё таким, как сейчас... М-дааа...

На самом деле мамино спокойствие и радость напускные.

Я же сразу вижу. Она переживает, но держится ради того, чтобы построить что-то нормальное. Здоровые отношения, где нет места скандалам, истерикам и психологическому давлению, которого им обоим хватало в первом браке.

– Посмотри ту, что с массивной дверью, сразу налево, первая. Там бежевые обои... Она самая светлая, – предлагает мне мама, когда я иду наверх, чтобы выбрать комнату.

Ну и ступаю на порог той самой, про которую она мне сказала. Действительно светлая и довольно уютная. Интересно для кого такая, если у них нет дочери? Хотя откуда мне знать о их жизни? Может и хотели дочь... А может и была... Или вообще есть? Стараюсь не думать об этом. Меня вообще не касается.

На окнах красуются роскошные шторы и расшитые стеклярусами и жемчугом занавески. Дурной тон, однако... Слишком шикарно для такой простой девочки, как я... Которая вечерами ест чипсы под любимые сериалы или раскидывает носки по всей комнате.

Вижу на кровати какую-то небольшую коробочку, а на ней лежит маленькая записка.

«Добро пожаловать в семью, сестрёнка».

Я морщусь, увидев это, потому что звучит уж больно приторно, даже если Сергей сказал, что всё с ним уладил...

А потом я дёргаю за красивую атласную ленточку, открываю крышку и начинаю истошно орать на весь дом, срывая горло, потому что оттуда выползает огромной пушистый па-

ук, похожий на тарантула... И я бегу к двери, сверкая пятками, что есть силы, с разбега врезаясь в высокую стальную, будто высеченную из камня фигуру...

Очевидно, фигуру своего сводного братца...

Глава 28.

Евгения Хомова

Сердце, кажется, уже затихло. Долбило так, что все ресурсы истратило...

Он вернулся... Вернулся только сейчас... Хотя время уже перевалило за двенадцать.

И я прислушиваюсь к мужским голосам за дверью, в отчаянии сжав в кулаки свою подушку, а потом вдруг...

Стук...

Я чуть с кровати не падаю от страха. Серьёзно... Мне не послышалось? Пусть это будет Лёша... Пусть он что-то забыл у меня спросить...

– Да?

– Открой мне, – звучит голос Ника, который буквально выворачивает меня наизнанку. Зачем??? Зачем пришёл? Где ночевал? Господи, как же страшно.

На цыпочках иду к двери и останавливаюсь. Почему он всегда такой грубый и прямой, как шпала? Будто приказывает, а не просит. Почему его голос звучит, словно выстрел в тишине... Ранит и пугает. Я реагирую совсем не так, как мне бы хотелось...

– Что тебе нужно? – спрашиваю тихо, и голос так дрожит, что сразу всё понятно. Ты влипла, Женя... По-полной.

И он уже всё от тебя ощутил. Ты вчера всё ему продемон-

стрировала.

– Поговорить...

– О чём?

– Ты так хочешь разговаривать? Мне здесь при всех говорить?

– Нет! – тут же открываю и вижу тёмно-карие, которые практически сливаются с цветом его футболки, которую я столь бессовестно скребла вчера... Лицо покрывается красками, а я сама – испариной... Страшно, просто жуть какая-то. На губы его смотреть не могу, сразу же всё горит. Ладони потеют. И я вытягиваюсь перед ним стрункой.

– Впустишь?

– Извини... Проходи, – делаю шаг назад, и он сильнее открывает дверь, заполняя пространство своей тёмной аурой. За секунды, блин... Не человек. Армагеддон. И я рядом ним, будто в ловушке. Он затягивает в свои сети.

Бессвязно кружит вокруг меня и моей кровати. То туда, то обратно. А я просто стою и наблюдаю за тем, как нам обоим, оказывается, неловко.

– Вчера...

– Я всё забыла... Я... Выкину из головы. Ничего не было, можешь не переживать, – выпаливаю на автомате, перебив его, потому что там в груди столько боли и речь теперь непонятная, сбивчивая, торопливая. Да и я сама в трёх секундах от того, чтобы упасть в обморок. А он так смотрит. Буквально прожигает во мне дыру.

– Что если... Я не хочу забывать?

По коже тотчас же проносится мороз. Не просто холодок, а буквально оледенение, от которого у меня пропадает дар речи, и я инстинктивно ёжусь, обхватив собственные руки.

– Ты... Вызываешь у меня разные эмоции. Одна из них прямо противоположная другим, – говорит он, и я слушаю. Словно замороженная дурочка, жадно впитываю каждое его слово. Наши глаза, мне кажется, утонули друг в друге. Иначе как объяснить, что он тоже, как и я, не отрывается от моих? Как? – Я сам запутался, но... Вчера голову потерял просто.

– Голову... От меня?

Будто укол влетает в сердце, заставив его биться заново...

Он молчит, но кивает. А лицо такое... Я даже описать не могу. Сердитое, но умиротворённое.

– Мне казалось, ты с Кирой ночевал снова...

– Нет, я к матери ездил. Нужно было мозги проветрить, – рубит, присаживаясь на мою кровать. – Что думаешь?

– А что я могу думать... Я вообще не знаю... Для меня это...

– Шок, я понимаю. Сам примерно в таком же состоянии... Хорошо, что затормозила вчера, иначе я бы... – проводит рукой по своим волосам. Я же вчера его прямо за ним оттаскивала, потому что по-другому он не слышал...

– Больно?

– Нет. Нормально... Напоминает.

– Ясно... Ник, мне нужно немного одной побыть. Я вооб-

ще не понимаю, что происходит.

– Ладно, будь одна. Долго?

На него это так не похоже. И я не хочу его обижать, но... Он ведёт себя странно. Мне не по себе. Наверное, он и сам такого от себя не ожидал...

– Не знаю... До вечера?

– Ну до вечера, так до вечера, – резко встаёт с кровати, а потом идёт к двери, заставив меня окаменеть. Я стою ровно напротив, и...

Он застывает так же резко, как подорвался. Прямо возле меня. По позвоночнику вниз скатывается напряжение. Он слишком близко. Непростительно... Смотрит так глубоко, но... В этом взгляде будто таится отчаяние.

– Можно ещё раз тебя поцеловать?

От этого вопроса у меня происходит ступор. Словно я провалилась в ледяную прорубь под лёд. Безмолвно смотрю на него и даже боюсь дышать. А он, кажется, готов хоть сейчас продолжить вчерашнее, и как только я вижу, что его рука тянется к моей талии, я тут же отхожу назад.

– Ты серьёзно? Нет... Я не буду. Нет.

– Ладно, – отрезает категорично, даже слегка обиженно, словно я задела его эго, и уходит из моей комнаты, хлопнув за собой дверь. За этим следует резкий мой выдох. Ощущение, что лёгкие упали вниз вместе с сердцем. Я не верю, что всё это только что происходило, блин...

Он правда хотел поцеловать меня ещё раз? Правда хотел

повторить?

И так смотрел на меня, будто... Та вражда, что была, перегорела... Или же затаилась где-то глубоко внутри, как враг, который ждёт, что ты потеряешь бдительность?

Прислушиваюсь...

Вроде как ушёл к себе. Интересно, он сказал правду о маме? Он у неё был? Не у той своей девушки?

Господи... Почему от одной только мысли о том, что он целовал кого-то после меня, мне становится дурно. Почему всё кажется сном? Я ревную, да? Вот она эта жгучая необоснованная ревность...

Тут же бегу к кровати и прячусь ото всех под покрывалом. Словно здесь кто-то есть. Достаяю телефон и пишу сообщение Наташе.

«Он вернулся. Я очень переживаю... Пришёл поговорить и хотел снова поцеловать».

«Блин, наконец-то. Я в дороге. Жопа болит. И чешусь вся. Вдруг заразилась чем-то от того кобеля? Фу! Передай ему, что тогда он будет оплачивать всё моё лечение!».

«О, ужас, ты серьёзно?! Вы что с ним что-то делали???».

«Да шучу я, Хома. Ничего не делали. Рассказывай, что там дальше с Ником».

«Больше ничего. Я не захотела. Сказала, что мне нужно подумать».

«Ну и правильно! Пусть теперь бегают, тупица!».

«Наташ... Ну... Мне правда плохо».

«Тебе правда не стоит брать и бросаться в омут с ним. Потому что он уже разок проявил себя хреново. А может и не разок. Посмотри, как будет вести себя. Да, красивый. Да, мрачный и таинственный, но... Ты, между прочим, намного лучше его! И заслуживаешь лучшего!».

Читаю и улыбаюсь, как дурочка. Мне так приятно, что она обо мне заботится и переживает. Как родная сестра. Наверное, для меня почти так и есть. Я уже жалею, что мы снова на расстоянии.

«Я тебя люблю. Ты знаешь?».

«Знаю, Хома... И я тебя. Если по-честному... Я написала Коле, что начала встречаться с другим».

«О, Боже... А он?».

«Он... Он просто прочитал и не ответил».

Блин, как же мне обидно за неё. Она же у меня такая классная. Потрясающая.

«Какой же он гад».

«Не то слово... Но я его достану».

«А как же Лёша?».

«Лёша? Брось... Он завтра забудет, как я выгляжу. И ты не напоминай. Он классный и всё такое. Просто он не для такой как я. А я не для него».

Не знаю, почему она так говорит, ведь мне показалось, что ему было очень грустно, что она уехала... Но я не хочу навязывать ей своё мнение. Они уж явно лучше нас во всём разберутся... Не мне её учить. Я вообще в отношениях полный

ноль, судя по всему.

Не успеваю я додумать, как в дверь моей комнаты снова стучат. Я иду туда, но никто не реагирует на мои вопросы. Приходится открыть и...

Я вижу на пороге розу из сада, а рядом записку, лежащие на полу, и тут же разворачиваю её.

«Прости, я бываю колючим. Я не хотел обижать. Просто ты меня ломаешь. Надеюсь, ты подумаешь, и мы к чему-то придём. А сейчас я уеду из дома до вечера, чтобы ты могла свободно передвигаться. Вернусь в семь. Если будешь готова, отвезу тебя кое-куда. Ник»...

Глава 3.

Никита Хорольский

Сучка с ангельскими глазами. Тоже мне, святая простота. Как же меня от неё бомбит. Ощущение, что буквально за секунды стал ненавидеть.

Расстояние – сотни метров.

А воздух в моей комнате сразу же начал искриться.

Внутри меня – сплошной хаос. Разруха и темнота.

Смотрел за тем, как их машина пересекает двор. И всё бы отдал, чтобы мимо проехали. Чтобы забыли о нас раз и навсегда. Чтобы не знать ни как зовут, ни как выглядят. Чтобы всё вернулось на круги своя. Как я привык... Ведь дом – единственное место, где я черпал смысл. А ведь вокруг его так мало... Семья, что казалась мне нерушимой, и та развалилась на части из-за одной только трещины... Нет, двух трещин. Я бы даже сказал – щелей. Одну из которых выбрал мой отец и судя по всему уже поёбывает время от времени.

Как только они вылезли из тачки меня сразу же немножко вскинуло, словно от электрического тока. Я несколько секунд простоял у окна и наблюдал, как эти две пигалицы рассматривают наш дом.

Одетые словно с распродажи, безвкусные и судя по всему всю свою жизнь прорывающиеся только на жалости к себе. Потому что к ним вряд ли можно испытывать что-то больше.

Уверен и мой сердобольный папаша так же... Пожалел просто. Ну не мог он променять маму на вот это. Не мог, сука!

У моей матери есть вкус, есть стержень, есть достоинство. А это что?

Даже описывать не берусь.

– Дочка! Что такое?! Что случилось?! – тут же кидается к нам вторая, поднимаясь по лестнице бурными шагами. Она меня ещё сильнее вымораживает. Как вспоминаю слёзы на мамином лице, так и хочется закопать её под мамиными кустовыми розами в саду.

А тем временем её «прелестная» дочурка продолжает утыкаться в меня, словно в жилетку, зажав мою кофту в кулаки, чёрт бы её побрал. Сдаст? Как пить дать, сдаст...

От горшка два вершка, блин. Но бесит так, что меня потряхивает с ней рядом.

Все механизмы внутри стопорятся. Я не припомню момента, когда был настолько зол на кого-то. Когда так сильно пылал яростью к кому-то...

– Что случилось?! Никита??? – удивленно таращится на меня старший хомяк, когда наконец появляется из-за угла. Я их так теперь и называю. С тех пор, как отец сообщил мне их грёбанную фамилию. Ненавижу. – Ты здесь? Я и не знала...

Звучит так, словно меня уже списали со счетов. Как круто она придумала. Не знала она... Замечательно.

– А где мне быть? Это мой дом как бы... – отталкиваю от себя девчонку за плечи.

Мама предупреждала, что скоро меня здесь жаловать не будут. Но намекала на то, чтобы слушался отца. Отца, который теперь для меня враг номер три, блин. Ну а первые два... Прямо передо мной сейчас. И я уже объявил военные действия. Пан или пропал. Посмотрим, кто кого.

– Конечно твой, – соглашается женщина. – Никто и не спорит. И я не хотела тебя задеть...

– Я не задет, поверьте. Разве что кофту бы теперь отряхнуть, – отмахиваюсь как от грязи, пока мелкая рассматривает меня со своего ракурса. То есть, из подмышки.

– Дочка, что случилось, а? Ты так закричала... На тебе лица нет, – тут же приобнимает её мамаша, пока та смотрит на меня своими блядскими невинными зелёными омутами и не моргает. Меня уже тошнит от её внешнего вида. Пипец она на мать похожа. Мой личный триггер в квадрате.

– Я... Я там паука просто увидела... Не важно. Можно мне другую комнату? – пискляво просит, вжимаясь в неё, словно ей десять лет, блин.

– Можно, конечно... Большой что ли паук был? Ты же никогда не боялась... – удивляется она.

– Да нет... Не такой уж большой, – пиздит напуганно, и я, если честно, удивлён. В Божий одуван играть собралась? Ну надо же, блядь, сколько эмоций на лице. И всё в себе давит, сука. Терпеть не могу, когда притворяются. А паук, кстати, большой.

Естественно, большой. Здоровенный американский чёр-

ный тарантул. Самка. Десять сантиметров. Я специально для неё выбирал. Чтобы побольше волосков было, и она обосралась от страха.

– Никита... Господи, извини... Вы познакомьтесь нормально, – тут же звучит из уст моей нелюбимой мачехи. Или кто она там мне? Хер просыт... Для меня так вообще просто шкура.

– Да знакомы уже, – насмехаюсь я, глядя на сеструху. – Преклонил бы колено, да артрит замучил...

Блонди косится на меня, а её мамашка качает головой. Нет у меня никакого, нахрен, артрита. Мне с ними стоять-то рядом тошно. Две пигалицы, сука... позарившиеся на чужое.

– Ну если мы закончили... Я хочу пожрать пойти, – отрезаю напоследок, обходя их стороной, и она снова окликает меня.

– Никит... Я там привезла ещё остатки шарлотки из дома... В холодильнике лежит.

Стискиваю челюсть и сжимаю кулаки. Удивлён, что зубы не скрипят. В такой ситуации – не лишнее.

Я скорее грязь во дворе пожру, чем твою шарлотку, дура.

– Ага... – иду вниз и прокашливаюсь от тугого кома, застрявшего в горле. Меня всего на части разрывает. С отцом очень долго ругались. Крайне долго. Я бы даже сказал, что в итоге мы пришли к тому, что я должен вести себя «нормально», только потому что мама сказала, чтобы не жестил сильно...

Но отец. Честно, я его начинаю ненавидеть... Семейство пустослова.

Нахер создавал семью, если потом её так просто разрушил? Ублюдок...

Никогда бы не поступил, как он. Предатель хренов. Он не только маму унизил этим, но и меня тоже.

Спускаюсь вниз, беру банку энергетика из холодильника и сажусь за стол, достав телефон из кармана, увидев значок нового уведомление на экране.

«Встретимся, Ник? Приезжай... Мамы и Кости нет дома», – сообщение от Киры. У меня с ней сейчас всё в подвешенном состоянии. Хотя я напряжен и мне был пар сбросить, но, сука... Её братец Костя как бельмо на глазу. Он меня настолько бесит, что даже задница Киры не способна решить эту проблему...

И пока я думаю об этом, полностью поглощённый разными эмоциями, меня снова накрывает волна злости, потому что вниз спускается эта бесая малолетка... Да, у нас разница год. Но мне похер. Она всё равно для меня малолетка. Я по ней вижу, что она из себя представляет. Сто процентов зубрила, ботан и сраная целка.

Взгляд такой, вроде и невинный, а вроде и с гонором. Уверен, что надо скovyрнуть эту коросту и оттуда такой гной пойдёт, что все охуеют.

Как бы вытравить эту семейку отсюда поскорее...?

Мама всегда говорила, что я лучше отца. Она всегда убеж-

дала меня, что моя грубость и негатив – становление характера. Но сейчас вот я уверен, что это просто перманентное состояние моей души с того самого момента, как отец променял нас на дырку.

Сижу, не поднимая взгляда, когда она достаёт сок из холодильник и стакан, наливая себе, словно у себя дома. Пизда с ушами. Хозяйничает ещё... Даже не спросила, можно ли. Хотя я бы в любом случае ответил, что нельзя.

Потому что это мой дом, а они тут временные приживалы.
– Никита... – произносит ласково, что у меня аж все внутренности стягивает в узел, и по телу бежит ток. Вот же...

– Ник, – перебиваю, не глядя.

– Ник... Слушай, мы теперь жить вместе должны... И я предлагаю сразу же обозначить, что я не планирую тебе мешать и так далее. У меня своя жизнь, у тебя – своя. Отца я у тебя забирать не стану...

Я вдруг начинаю неистово ржать и всё же поднимаю на неё свой взгляд. Хоть и полный презрения, а ещё негодования. Потому что она совсем уже охренела говорить мне такое.

– Слышь, хомяк, блин... Ты чё о себе возомнила, нахер? Отца она забирать не станет. Учти, что здесь ты в гостях, и никогда своей для меня не станешь. Ты и твоя мамаша. Так что пей наш сок, жри нашу еду, спи на нашей кровати, но имей в виду, что за каждую тронутую вещь в этом доме потом придётся расплачиваться кровью, дорогуша, – отодвигаю стул со скрипом, нервно встав с него и заставив её

вздоргнуть, а потом прохожу мимо и задеваю её стакан рукой, нарочно опрокинув тот на пол, и она отлетает в сторону, чтобы не попало на её белоснежные носки. — Упс...

— Да ты... Ты...

Жду, когда психичку прорвёт, и она вылезет из панциря, но пока вижу только как щёки хомяка раздуваются от гнева, словно она семки внутрь запихала.

— Всё в порядке? — появляется из ниоткуда её мать, разбавляя эту гнетущую взрывную атмосферу. У кого-то чуть жопа не лопнула от напряжения. И мне её ничуть не жаль. Пусть отвечает за всё, раз ещё и осмелилась сунуться ко мне с разговорами об отце.

— Да, просто у кого-то руки трясутся... Мелочи, — ухмыляюсь я, обходя мелкую стороной, и двигаюсь к выходу, пока та молчит. Не хочу оставаться здесь с ними ни на секунду. Меня и без того всего колошматит. Не знаю, чем заслужил такой расклад. Где разгневал и кого?

Только чёткое ощущение нарастающего пиздеца не покидает мой разум. Мне кажется, масштабы катастрофы куда больше, чем я думаю. Уже появились червоточины на сердце, а это хреново. Очень хреново.

Мог бы — раздавил. Жаль, что мне не позволят так сразу... Но превратить её жизнь в ад я вполне в состоянии.

И сделаю это сразу, как представится долбанная возможность...

Глава 4.

Евгения Хомова

Господи, он ещё хуже, чем я думала. Просто какой-то чёрт во плоти. Фу...

Мерзкий зажавшийся хамоватый переросток. Почему я так говорю?

Да потому что он слишком огромный для своих девятнадцати или сколько там ему. Высокий, блин, такой, широкоплечий и кичится тем, что бросает вызов девчонке вроде меня, которая дышит ему в пупок. Какое же позорище, ну, правда! Что за zalюбленные полоумные самцы тут обитают? Кто их такими воспитывает-то?! Разве парень может вести себя настолько по-идиотски?

Уходит с кухни, демонстрируя всем свою напускную важность. Которой на самом деле нет. Он её выдумал! Придурок с завышенным самомнением.

Смотри, чтобы твоё эго тебя на дно не утянуло прямиком к твоим собратьям – навозным жукам, тебе там самое место!

Ну это в мыслях я так ему говорю, а на деле...

Убираю за ним то, что он тут разлил, но ни слова не рассказываю маме. Она и так нервничала из-за его поведения, и если расскажу, уверена, вызову ещё больший скандал. Его отец будет в бешенстве. Понятно, конечно, что носить в себе тоже плохо, но мне жаль маму и их только-только зародив-

шиеся отношения. Я не хочу разлада. Пусть всё остаётся как есть.

Я слышала, что его мама... Кстати, по иронии судьбы её зовут прямо как мою лучшую подругу – Наталья Викторовна, очень суровая и стервозная женщина. Но это я слышала не от моей матери, конечно. Его отец так сказал зачем-то... Уж не знаю, что они там не поделили. Я особо не вникала в подробности, но теперь хотя бы понимаю, что яблоко от яблони недалеко падает, и сыночек явно пошёл в неё.

– Всё в порядке? Он точно тебя не обидел? У тебя лицо такое бледное... – спрашивает мама волнительно, вырывая меня из мыслей. Она ведь предупреждала, что с ним нужно быть осторожнее. Что где-то лучше промолчать. Я так и делала, собственно говоря. Но мне кажется, тем самым только продемонстрировала собственную слабость. И уже жалею об этом. Потому что он не только меня оскорбляет, но и мою любимую маму, а я между тем про его семью и слова плохого не сказала!

– Да, просто не ожидала, что пролью. Что-то чувствую себя не очень... Видимо, переезд сказывается, – выдумываю на ходу, чтобы остаться одной.

– Брось... Ну не так ведь далеко, да, малыш? – приободряет меня мама. Да и не верит мне, наверное. Не знаю.

– Угу. Я пойду наверх, хорошо? Всё-таки начну разгружать вещи...

– Не будешь ждать Серёжиных людей? Я тогда помогу...

– Нет, мам... Ты отдохни лучше. Я сама, правда. Заодно с Наташкой по телефону потреплюсь, – улыбаюсь, и ей ничего не остаётся, как согласиться со мной.

Первым делом я иду наверх, чтобы осмотреть новую спальню. По пути с доскональным прищуром разглядываю пол. Вдруг эта чёрная пушистая фигня попадётся на дороге. Я, конечно, не арахнофоб, но... Такого бы любой испугался.

С ужасом вбегаю за закрытую дверь той спальни, что в итоге выбрала. Она в тёмных тонах, кстати. Но выбора особо нет. Остальные слишком огромные. Мне там будет совсем некомфортно.

Я уже говорила, что больше люблю компактность. Во всём.

А в обитель паука я вернусь только через свой труп.

Прикидываю мог ли он проползти через зазор под дверью, но думаю, что нет. Вряд ли. Слишком уж мало там места.

Выдыхаю, пытаюсь успокоиться... Но сердце всё ещё неистово носится от переживаний, наматывая круги по грудной клетке.

Открываю рюкзак и прокручиваю в голове мысли.

Нам ведь с ним не обязательно общаться. Даже если мы в одном доме живём или одном универе учимся. Тем более, он на втором курсе, я на первом. Да и тут так много места, что можем вообще не пересекаться. Потому что я не знаю, как с таким гадом контактировать...

Не успеваю додумать, как вижу звонок от Наташки. И тут

же поднимаю трубку, желая вывалить на неё всё, что со мной только что случилось. Как раз вовремя. Мы же всем делимся... С самого первого класса.

– Я уже скучаю... Это капец какой-то... – выпаливает, стоит мне взять трубку.

– Я тоже... Разгружаю вещи. И мне здесь не нравится.

– Почему? Разве там не светская жизнь? Я думала... Басик, коктейли, дворецкий...

– Ага, и тупой сводный... – прерываю я её восторженность, и атмосфера тут же покрывается мраком.

– Тааааак... поподробнее, – встревает подружка. – Он тупой?

– Ну типа... Не в этом смысле. Просто наглый и грубый, вот и всё...

– М... Сочувствую. Что уже было?! – тут же выпаливает и ржёт. Знает меня, как облувленную. Я никогда не стану просто так наговаривать на человека. Вёл бы себя нормально, вообще бы о нём сейчас не говорили.

– Ты точно хочешь это знать?

– Ты сейчас меня очень обидела... – равнодушным голосом говорит, вызвав у меня улыбку, и я заваливаюсь на кровать, хоть и тут же вздрагиваю с опаской осматривая поверхность, потому что вспоминаю про этого огромного ужасного паука. Брррррр.

– Сначала он подсунил мне коробку с тарантулом в комнату, а потом обозвал меня всяческими мерзкими словами,

угрожал и разлил мой сок на пол, – тараторю, прокурчивая в голове мысль о том, как уже его ненавижу. – Как-то так...

– Что?! Фу... Какой выродок.

– Ага... И мне уже совсем не весело...

– Прямо настоящего тарантула?! – визжит она в трубку. И это она его ещё даже не видела. У меня же чуть сердце не остановилось. И бежала я, словно на ходулях. Ноги перестали сгибаться...

– Да... Я думаю, что да... Ну такого чёрного и пушистого...

– О, ужас! Я бы умерла на месте!

– Я почти умерла, – хихикаю я, вспоминая. – Ещё и врезалась в него, блин... Позор просто.

– Врезалась? Вот ты дурочка, ахахахаха, – слышу залихватистый смех подружки.

– Представляешь, у меня кулаки от страха на его толстовке сжались...

– О-о-о... Мощно, хома... – возмущенно добавляет в ответ.

– Он назвал меня хомяком... Прикинь... Хомяком, Наташ...

– Пипец... Вот он скотина, а... Всё. Ред флаг, подруга. Нет слов. Урод тот ещё... Насри ему под подушку!

Я тут же начинаю ржать и хрюкать, прикрывая рот рукой.

– А, может, так и сделаю, да!

Только разговор с Наташей способен вернуть мне пози-

тивные мысли и настрой... Завтра уже первый день в университете, а я совсем не готова. Вроде как и не паниковала сильно наряжаться или типа того, но... Всё равно мне страшно. Предвкушение новых знакомств, да даже страх перед стенами образовательного учреждения. Я с трудом всё это принимаю. Но справлюсь...

Буду стараться.

Иду открыть форточку, потому что тут слишком душно и ещё мне кажется, что пахнет духами его матери. Надеюсь, это не её дополнительная спальня, блин... Слишком тяжёлый шипровый аромат. Но сразу чувствуется, что дорогой.

– Что сейчас будешь делать? – спрашивает Наташа и только я хочу ответить, как слышу маты, звучащие с улицы. Прямо под окном.

– Я говорю тебе, блядь, такие деревенщины, я ебал... Аж тошнит...

Прислушиваюсь и у меня внутри всё загорается. Настолько, что хочется подпалить ему волосы.

– Да ты бы её видел. Дно она, нахер, а не тёлочка. С-сука... Я бешусь... Кира? Да о ней тоже не стоит, чувак... Да, из-за него... Ага. Сука, он мне уже столько должен. Вот и я о том же... Ещё и эти присосались к отцовскому карману... – слышу я и всё... Тут же щетинюсь, пока Наташка что-то рассказывает на фоне.

– погоди секундочку, дорогая, я перезвоню, – тут же сбрасываю и иду напрямиком в ванную. Впопыхах нахожу какой-то

небольшой ковшик и набираю туда ледяной воды. Скотина, а...

Да кто он такой, чтобы так говорить о нас с мамой!?

Ладно обо мне – пофиг! Я бы стерпела! Ведь мнение одного бездушного козла в состоянии пережить! Но о моей мамочке!

Прибегаю обратно и полностью открываю окно, глядя на то, как он курит там и всё ещё пиздит с кем-то по телефону. Сердце продолжает свою истерику, но я не отступлю. Пошёл он нафиг!

Как раз, когда его фигура мечется внизу от психоза, ожидаюсь, чтобы оказался поближе.

– Эй, придурок! – зову его, и как только он поднимает свою морду вверх, тут же выливаю на него полный ковш воды, заранее решив, что это объявление войны ублюдку...

Глава 5.

Никита Хорольский

– Сука, твою мать! – в этот же момент роняю телефон из рук и резко вытираю лицо, увидев, как эта сучка быстренько закрывает своё окно и показывает мне в него средний палец, окончательно скрывшись из виду.

Вот ведь падла, а...

Смотрю на экран, когда поднимаю телефон с земли, и вижу на нём трещину. Тупая стерва...

За неё она точно поплатится жизнью... Волна внутри меня моментально нарастает. Скрип внутренних конструкций, кажется, можно услышать на другой планете.

Только начинаю идти туда, чтобы задушить её собственными руками, как вижу её мать, которая заметив мой взбешенный, даже разъяренный внешний вид смотрит на меня в ужасе и стопорится на крыльце дома.

– Никита, всё хорошо? Твой отец звонил только что...

Тут же сам зависаю. Чувствую, как горит рожа... Весь покрываюсь багровыми пятнами. Злой так сильно, что повсюду лезут иголки... Еле себя сдерживаю, потому что палиться перед этой, значит, нажить врага в отцовском лице. И тогда всему точно конец. Я их не помирю никогда... И эти две будут счастливы. Я не могу этого допустить.

– И?

– Он едет домой уже. Отменилось что-то... У тебя всё в порядке? Вид такой...

– Нормально, – отрезаю и иду в сторону ванной, чтобы умыться. Надеюсь, это была не её моча. Мало ли что у неё в башке. Судя по всему, она та ещё сука и только притворялась ангелочком.

Ещё раз проверяю свой телефон. Меня Кира звала, но я с другом перетирал, потому что не хотел к ней ехать. Из-за недавнего инцидента с её братом. А теперь я мечтаю оторвать голову мелкой сучке... Позабыв всё остальное, потому что на меня ещё никто не смел вот так поднимать руку.

Мелкая возомнила себя войном в юбке? Серьёзно?

Да я её на раз разнесу. И повешу над универом флаг в виде её трусов, чтобы неповадно было.

Стаскиваю с себя весь верх, потому что на футболку попала вода, умываюсь в ванной и собираюсь пойти к себе переодеться, как вдруг снова натываюсь на эту бессмертную тварь, которая стоит и не дышит, заметив меня на пороге ванной с ковшиком в руках. Бежать уже поздно – она это понимает. Сама, блядь, пришла ко мне, как в мышеловку.

– Тебя сразу убить или на колени встанешь?

– Что?! – возмущается она, округлив свои глаза. – Да пошёл ты!

Секунды не проходит, как я обхватываю её за запястье и резко дёргаю на себя, после чего предплечьем придавливаю к двери, надавив на грудную клетку и нависнув над ней.

У неё аж дыхание от страха перехватывает, а глаза тут же становятся неестественно огромными. Мы слишком близко друг к другу. И от её волос воняет каким-то дешманским приторным шампунем. Кажись, у меня аллергия. Потому что нос начинает чесаться и в горле першит. Возможно, аллергия на неё саму и их присутствие в моём доме.

– Я сейчас маму позову, – рычит она на меня, задрав вверх свою противную морду. Пытается меня мамкой напугать, серьёзно, блин?!

– Зови, сучка... Зови... Понравился же тебе мой паук? – хриплю прямо в лицо. – Ночью... – склоняюсь к её уху. – Я положу его прямо на твою подушку... Возле головы... – ухмыляюсь, изучая заслезившиеся глаза и дрожащий подбородок. А она что думала? Будет такую дичь творить и ответки не последует? Да я только начал. И хочу изощрённее. Медленно и мучительно.

– Только попробуй...

– Попробую... Я легко к тебе зайду, даже не сомневайся... – зловеще посмеиваюсь, вызвав новую драму на её лице.

– Что тебе от меня нужно?! – скулит она, сооротив жалостливую гримасу. Реально думает, что у неё что-то есть? Для меня? Ага... Конечно.

– Ничего... Только чтобы вы собрали вещи и свалили отсюда навсегда туда, откуда вы с мамашей, нахрен, выползли, ты всё поняла?! – давлю её ещё сильнее, и она взвизгивает, а потом вдруг слышу голос отца.

– А что здесь происходит? Ник? – выныривает он из-за угла.

Я тут же отпускаю её, но сам ощущаю, что ещё не отошёл. Как сидела злость на поверхности, так и остаётся. Никуда не делась. И никакого удовлетворения от такой маленькой стычки я не получил.

– Жень... Он что-то тебе сделал?

Пиздец. Как будто меня здесь нет реально. Типа моё слово не в счёт, правильно я понял? По всем фронтам дерьмовый сын. Только суть в том, что дерьмовый он. Дерьмовый муж и отец. И не нужно перекладывать ответственность за свои поступки на меня. Это всего лишь последствия.

– Нет, Сергей Николаевич, – тут же шепчет она, поправляя свою кофту. Опять превратилась в одувана. Ну надо же... Бедняжка. Снова не стала сдавать. – Я пойду... – исчезает буквально за секунды, оставив нас втроём.

– А ты почему в таком виде?! – отец недовольно смотрит на меня полураздетого в шоке. А её мамаша ещё и прячется за его плечом, словно боится влезать в наш разговор. Дешёвка, блин.

– Облился, – резко отрезаю и иду к себе тяжёлыми шагами. И хорошо, что он мне ничего не говорит, потому что я мог бы и снова сорваться. Только на этот раз было бы хуже. Ибо я сильно зол и раздражён. Ещё и мама написала сообщение, чтобы оставался жить здесь. Потому что я предлагал бросить всё к херам и переехать к ней. Но ей этот вариант

не показался хорошим.

Моя спальня находится через две двери от той, куда в итоге влезла хомячиха. И я уже её не вижу. Спряталась, ссыкуха.

Но ничего... Она всё равно ответит за всё. Не сегодня, так завтра... Или послезавтра. В любой другой день.

Ещё и выбрала ту, в которой мама порой ночевала при ссорах с отцом. Не сказать, что часто, но бывало, конечно. Я всё, сука, помню... Интересно как скоро с этой барби начнутся разногласия.

Едва скрываюсь за порогом своей обители, как громко выдыхаю и опираюсь на дверную поверхность, думая о том, как мне тяжело находиться рядом с ним. Как тяжело видеть всё это... А он ещё хочет, чтобы я якобы с ними общался? Пересекался... Ужинал и прочее...

Ну на хрен! Лучше сгореть на костре инквизиции!

Отталкиваясь от двери, тащусь к кровати и достаю свой телефон, ныряя в чат с парнями. Это единственный вариант по-быстрому что-то придумать. Любые способы отмщения. Чтобы все заранее знали о ней и были предупреждены.

Компания у нас дружная и шумная. И не самая простая. Каждый чего-то стоит. А вместе мы как взрывная волна. Особенно у себя на потоке и с первачами.

Nick09: «Пацаны, у нас новая проблема, нужно срочно решать».

HalenTox: «Чё каво... где?».

Vano4: «Опять Константин и его демоны?».

Nick09: «Хуже».

Vano4: «Что может быть хуже? У Киры ПМС?».

Nick09: «Сестра».

Vano4: «Чё сестра?».

Alex: «Ты тупой? У него теперь сводная сестра, дебил!».

Vano4: «Сам дебил! Я не видел нихуя. Когда писал?».

В такие моменты мне хочется их всех пристрелить, блин...

Nick09: «Вчера».

Vano4: «Пиздец... И чё она? Крокодилица?».

Начинаю ржать. Но самое обидное, что я не могу сказать, что она крокодилица. Потому что объективно говоря... Есть там что-то от ведьмовского. Я даже думать в ту сторону не буду.

Nick09: «Нет, просто охувшая морда. Вылила мне на рожу ковш воды».

Alex: «Ахахахахахаха. Бля, завтра пожму ей руку».

Лёха – козлина. Ещё и подъёбывает, хотя самому тошно теперь.

Vano4: «В смысле? Чё завтра туса у Ника?».

Alex: «Сук. Ты с какой планеты вообще, а? Перечитай чат. Его сестра теперь будет учиться с нами в универе. Родаки разводятся! Не тупи, Ваня, блин, чёрт, сука!».

Vano4: «От черта слышу... Нихуя себе, делишки. И чё... Чем помочь?».

Nick09: «Как обычно... Охота объявляется открытой. Ни-

каких табу. Всё можно и желательно пожёстче, чтобы плакала».

Vano4: «Есссс, босс. А ты прям вошёл во вкус, да, я смотрю?».

Nick09: «Она и её мамаша посягнули на святое. На семью. А Ник Хорольский этого не прощает. Кидайте идеи. Кто вышлет самую лучшую, тому ящик вискаря лично от меня!»...

Глава 29.

Никита Хорольский

Мне с ней и находиться в одном помещении тяжело после всего, не то, что выдавливать эту милость, сука. На иголках весь. Не могу проявлять нежность к человеку, который её явно не заслуживает. Вообще...

Ещё и Лёха лезет, куда не просят. Догоняет меня внизу и смотрит своими ошарашенными глазами, словно уже что-то для себя тут подметил. И я не могу показать ему свои слабые стороны, мне нужно притворяться по уши влюблённым придурком.

– Ты чё где был, так и не скажешь?

– У матери. Всё нормально...

– Ясно... А чё у вас тут вчера было? – спрашивает, усаживаясь за стул, а я уже реально хочу уйти отсюда, потому что распространяться хоть о чём-либо не желаю. Но какой у меня есть выбор? Нужно же показать своё осознание, да? Иначе какой смысл? Он меня тупо сдаст...

А я типа внезапно ощутил такую тягу, что не могу ей противиться. Вот и посмотрим, какой из меня актёришка...

– Я её засосал... – отвечаю ему надсадно. Будто мне тяжело, но чувствую, что реально тяжело. Скорее оттого, что понимаю, как облажался, а не от эмоциональной привязки к хомяку. Совсем нет.

– Бля... Ну и долго ж до тебя доходило, – будто с радостью выпаливает он, ведь очевидно, что-то такого от меня ждал. Они все ждали. Только не на того напали, блядь. Хер они во мне эту любовь отыщут.

– Ага, – беру энергетик из холодильника и собираюсь уходить.

– Э! Ну ты куда, блин?! Я думал похаваешь со мной?!

– А чё Натаха с тобой не хавает?

– Она съебалась... Свалила от меня в закат. Кинула, кароч, – ржёт он, и я лыблюсь. Минус одна тупая курица у меня дома. Ессс.

– Ясно, хули. Ну, значит, мы с тобой оба кинутые тёлками...

– Жека чё... Не хочет или...?

У меня аж челюсть сводит. Не хочет она. Если я захочу, блядь, она за мной как хвост ходить будет.

– Я даю ей время. Мне самому нужно остыть. Поэтому прошу тебя немного её подуспокоить, лады? Я пока отъеду...

– Ладно, не вопрос... А это... Ты не против если я ещё немного перекантуюсь здесь? Хату пока не искал...

– Живи сколько хочешь, – отвечаю я, направившись к двери. А сам думаю, что мне это только на руку по сути. Если он её будет убеждать со мной мутить, так вообще заебись. Тем более, что мама попросила меня кое-что сделать.

Я пока займусь этим вопросом. А хомяк пускай там разговаривает со своими бабочками в животе и пялится на меня

в окно, как привыкла. Я же всё замечаю, не тупой. Понимаю, что там помимо ненависти ещё дохуя эмоций. И если я был бы противен, она бы себя сосать никогда не дала. А тут поддавалась ровно до момента, когда я к запретному не полез. Она тупо не готова ещё. Но нихуя. Мы терпеливые.

Как там мама говорит? Хорольские не опускаются до того, чтобы проявлять злость... Я выжму из себя все ресурсы, чтобы эта злость плавно стала тем, что маленькая хомячика желает во мне видеть...

Домой возвращаюсь вечером, как обещал. Купил себе новый телефон. Восстановил всё, что мог. Сажу в тачке перед крыльцом и думаю о том, как не хочу идти внутрь. Сжимая руль, всё время вспоминаю о том, что плохо контролирую себя рядом с ней, хотя должен. Иначе эту войну я проиграю. А моя главная задача, чтобы они свалили из этого дома, раз и навсегда вместе с матерью. Отца и её мамашу сегодня не видел, да и признаться, видеть не хочу. Меня от него вообще тошнит после того, что мама рассказала. Но выбора нет.

Нужно скорее действовать. Куй железо, пока горячо. Пока она ещё ощущает нашу связь. А я уверен, что физически она её тоже нащупала...

Только хочу идти, как вижу, что она выходит на крыльцо. Волосы заплетены в какую-то шишку, сверху вязаная кофта, снизу безвкусовые джинсы в три раза шире её ног. Но похер... Главное, что вышла. Стоит, обхватив свои плечи, и переби-

рает ноги на месте, глядя на тачку с опаской и тревожностью. Но потом всё же идёт ко мне. Открывая дверь, садится рядом.

Будет весело поиграть с такой... Игрушка сама бежит мне в руки. Даже делать ничего не пришлось...

– Значит, подумала?

– Я... Решила, что нам нужно немного узнать друг друга, наверное.

– М-м-м... Ладно. Поехали узнавать... – завожу машину, а она пристёгивается.

– Куда мы?

– Увидишь.

По иронии судьбы я собрался отвезти её в то самое место, где сам никогда не был. Априори не про меня, но... Прекрасно понимаю, что девчонки вроде неё от такого тащатся. Литературный паб, малоизвестный, но колоритный.

Людей тут не так много. Все свои. Осуждения самые разные, как я слышал. Едва моя машина останавливается возле вывески, она буквально сразу же смотрит на меня своим зелёными глазами, будто недоумевает, почему мы именно сюда приехали. Но я же видел книги в её комнате. Раз с собой привезла, значит, они имеют для неё вес.

– Мы сюда?

– Да. Ты же читаешь, – обхожу машину и открываю для неё дверь.

– Но ты ведь... Нет... Или?

– Я бы мог отвезти тебя на завод нефтегазового оборудования, но там пропускная система как бы. Да и ты после такой попойки вряд ли могла бы нормально там передвигаться... А тут можно отдохнуть. И поговорить...

– Я не была пьяной, сколько можно повторять?! – ворчит она, пытаюсь вылезти и, разумеется, заваливается. Прямо в мои руки. Роста не хватает.

– Осторожнее... – ловлю стыдливый блеск её глаз. – Слишком большая машина для тебя, да, хомяк?

– Не называй меня так... или я уйду, – хмурится она, а я... Вскидываю руки кверху.

– Окей, я понял... Идём?

– Ну, пошли...

Мы заходим в это странное заведение. Естественно, я по взгляду её всё понимаю – ей нравится тут. Ещё бы. Я был уверен, что такое ей по душе. Она рассматривает декорированные стены, украшенные старыми плакатами и фотографиями известных писателей. В углах стоят стеллажи с книгами – старинными изданиями и современными бестселлерами, приглашая её присесть и погрузиться в разговоры о литературе. Но она от меня ни на шаг не отходит.

– Ты должно быть Ник? – спрашивает меня одна женщина, кажется, с ней я договаривался, и хомяк тут же напрягается, не понимая откуда меня тут знают. Но суть в том, что я позвонил и заранее. А она вроде как администратор. Что-то типа того.

– Так точно – Ник...

– Добро пожаловать... Если вам пока поговорить, это вон там... Если захотите присоединиться к дискуссиям, то сюда. Милости прошу...

– Ага, благодарю...

Все такие добренькие и интеллигентные, блин, аж тошно. Мы проходим дальше... По направлению, что она указала.

Тут мягкое освещение. Довольно уютная, чуть туманная атмосфера.

Она садится напротив меня. Небольшой закуток, покрытый тайнами и чем-то слишком приторным для такого как я, но... Я всё вывезу. Я уже с самим собой договорился.

Сбоку звучат разговоры о Толстом, Достоевском, о том, как важно сохранить в себе дух эпохи через книги, а я готов закатывать глаза от таких заявлений. Кроме того, половина людей здесь, очевидно, подшофе. Даже есть писатели... Сидят и работают за ноутбуками. Загруженные и напряженные. И чего им дома не сидится, не пойму? В тишине и одиночестве ведь намного легче работать.

– Будешь что-то?

– Что-то горячее... Чай...

– Лады. Замёрзла, что ли? Вот, – протягиваю ей плед, которые здесь как часть композиции, специально лежат на диванах и создают чисто домашний уют.

– Спасибо, так лучше... – укрывается и смотрит на меня, когда я прошу приготовить нам по кружке горячего чая с

имбирём. – И глубоко ты такой прячешься?

– О чём ты?

– Ну... Вот эта твоя сторона... Не колючая, как ты выразился...

– А, – ухмыляюсь я. – Весьма глубоко... Под запретом.

– Но мне отчего-то показываешь... Стоит опасаться?

Слышу её вопрос и непроизвольно внутри всё выворачивает. Глаза у неё, конечно, словно читают тебя изнутри. Хотя на деле, она же не догадывается ни о чём. Но просто смотрит так... За нитки дёргает.

– Ты боишься меня, что ли?

– Ну ты так вчера показал... Да, я испугалась, Ник... Сильно.

– Ясно... Я не этого добивался. Так вышло просто... Некоторые эмоции не поддаются контролю.

– А теперь ты хочешь дружить?

Из моих уст вдруг вылетает нервный неконтролируемый смешок. Дружить, блядь...

– Нет. Я не дружить с тобой хочу, – отвечаю честно, протянув ей руку, и она сглатывает, но в ответ не даёт. Только бросает взгляд и нервничает. Приходится убрать свою. Даже такой контакт для неё, видите ли, интимный... Так можно до старости за ручки ходить, блин. А мне оно не надо. Мне нужно быстрее.

– Тогда что? Ты же понимаешь, что я... Что мы с тобой... У нас даже нет ничего общего.

– Ты так не думаешь. Просто ищешь причины. Но я слушаю... Мне интересны аргументы, – тянусь к первой попавшейся книге на полочке рядом, чтобы занять руки, но она вдруг выпаливает.

– Давай сыграем...

– Сыграем...? – изгибаю я бровь в изумлении. – Что-то новенькое. Знал бы, что ты лудоман, отвёз бы тебя в казино.

– Дурак... Мы погадаем по этим страницам. Разве не веришь в пророчества?

Фыркаю и смотрю на обложку. «Мастер и Маргарита». В её глазах – вызов. В моих, очевидно, разочарование. Я, конечно, понимал, что она девчонка. Но вот это... Пиздец бред. В каком дебильном фильме она это подсмотрела? Хотя чему я удивлюсь. Её мамаша сидит на качели во дворе и часами любит фонтаном, словно ей больше заняться нечем. От тоски прям умирает, когда отца дома нет. Это что-то с чем-то, конечно. Настолько нереализованная личность. Пустышка, блядь... Как и её дочура.

Я ведь знаю о чём говорю, да?

– Ну что, мне кажется, – начинает она, делая вид, будто гадание – это нечто сакральное. У меня же дёргается глаз. – Что, если я открою страницу, на которой будет половина предложений о любви, значит, я романтична, а если – о войне – я, значит, люблю бороться за свои идеи.

Я издаю какой-то рык в ответ. Меня уже заранее это бесит. И тут я притворяться не намерен. Сладко ворковать и

слушать весь этот бред.

– Очевидно, что бы там ни было, это полная собачья хрень...

– Да ты просто неуч... Мы говорим о гадании, как у истинских ведьм... Или, может, что-то подобное...

– Давай уже жги, ведьма, блин... Тридцать первая, пятая снизу.

Она резко вырывает у меня книгу, отыскивая нужную строку, и тычет мне в неё пальцем:

– Вот, смотри, – читает вслух с ехидной улыбкой. – «Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются». Сильно...

– Чухня какая-то...

– Да нет же... Это о нас с тобой, – уверенно заявляет она, улыбнувшись, и я тут же ловлю это настроение, выворачивая его для себя в удобное русло.

– Нас с тобой... Так «мы» всё же есть, верно?

Она тут же краснеет и уводит взгляд в сторону, прячась в свою ракушку. Начинает мяться и подбирать слова.

– Нет... Я просто... Я не знаю, Ник...

– Ну ты пока посиди подумай, а я схожу нам за чаем...

Резко встаю и иду за стойку, пока она остаётся сидеть там и рассматривать помещение... И я думаю, как же просто она ведётся на любые подобные манипуляции... Уже у меня на крючке. Идеальная безропотная жертва...

Глава 6.

Евгения Хомова

Господи, вот псих, а. У меня чуть сердце из груди не вылетело!

Боже, придурок. Отряхиваюсь и просто невозможно трясусь до сих пор. Потому что он касался меня. Давил своим предплечьем, и я ощущала, как тело прилипает к двери от этого давления.

Долго не могу прийти в себя. Как будто ни ног, ни рук до сих пор не чувствую. И голова как не родная. Кружится, да ещё и болит теперь. Наверное, от стресса.

Телефон разрывается на кровати, и я наконец иду туда, чтобы взять трубку.

– Таш... – отвечаю на звонок.

– Ты чего, блин?! Куда пропала-то?! Я только ей драму выложила, а она...

– Прости... Господи, прости меня... Тут такое было... Что ты там говорила?

– А что было? – тут же прерывает она мой вопрос удивлённо.

– Нет, ты первая!

– Нет ты! – спорит она в ответ, и я немного смеюсь, хотя у самой по телу до сих пор бежит дрожь. Вот это у него аура. Тёмная, агрессивная, пугающая. Я с такими ещё никогда не

сталкивалась. Мне кажется, он на всё готов пойти, лишь бы выгнать нас с мамой из этого дома.

– Я вылила ему воду на рожу, потому что он трндел за глаза с кем-то по телефону и обзывал нас с мамой! – выпаливаю на одном дыхании.

– О-о-о... Офигеть... И?

– И он меня... Он хотел запугать в общем. Угрожал. Придавил к двери. Ужас какой-то. До сих пор мурашки...

– Да... Пипец. Твоя история душещипательнее моей...

– У тебя что? – спрашиваю, и мне уже неловко, блин, что не дослушала. Обычно я всегда вникаю, а тут он всё внимание на себя перетянул.

– У меня Коля... Я написала ему сегодня. Что поступила туда же, куда и он. И знаешь что?

– Что?!

– Ок... Просто ок!

– О, Боже мой... – зависаю я, ведь она ждала его реакции. Это парень, с которым они танцевали на выпускном. Он её пригласил, и она думала, что что-то есть, а тут такое.

– Что не так с этими парнями?! Они какие-то тупые или злые. Одно или другое...

– Лучше бы он был тупым, Таша, – начинаю скулить и прячу лицо в подушку, а она ржёт.

– Ну да... Лучше тупым, ты права... – вздыхает подруга, и мы вместе страдаем от того, какой несправедливой бывает жизнь. Я не хочу проводить с ним время. И учиться вместе.

И завтракать... Блин, как это вывезти?

– Слушай, хома, ты должна завтра капец блеснуть перед всеми...

– То есть?

– Оденься круто. Чтобы парни постарше заметили. Желательно самые крутые парни! Он тогда точно обосрётся... А у тебя будут заступники...

– Таша-Таша... Опять ты мыслишь не в том направлении...

– Я-то как раз в том мыслю! Это ты! Не тупи, хомыч! Жопу в руки и вперёд выбирать свой лучший наряд! А ещё стрелки сделай! Ты же у нас красotka! Ну дай ему там жару!

– Ой, всё... Ты насоветуешь... Я проблем только найду на эту самую жопу, уверена!

– Я опять очень обижена твоим недоверием... Коза!

Смеюсь, услышав это, а затем слышу стук в дверь.

– Да? – испуганно спрашиваю, и снова шепчу Наташке, что перезвоню. Знаю, что уже достала, но игнорировать такое себе дороже... Вдруг что-то важное? Я же не в своём доме в конце концов.

И ко мне вдруг заходит Сергей Николаевич, заставив меня прыгнуть с кровати и вытянуться струной перед ним.

– Ой...

– Жень, я часть вещей принёс, остальные ещё несут. Куда? Сюда? – спрашивает, поднимая мой чемодан.

– Да, сюда, спасибо...

Он ставит сумки и смотрит на меня.

– Жень, я... Хочу заранее извиниться, если мой сын что-то тебе сказал или сделал...

– Нет, нет... Ничего, правда, – тут же встречаю, чтобы исправить ситуацию. Мне неловко, что ему приходится извиняться за этого изверга, блин. Он же не виноват, что сыночек вырос таким придурком... Наверное.

– Слушай, у него просто период тяжёлый. Он маму очень любит. А у нас с ней... Давно конфликтная ситуация, Ник не знал... Я уже подал документы на развод и собираюсь... Сделать твоей маме предложение. Ты не против? – спрашивает, и у меня прямо-таки голос дрожит.

– Нет, – отвечаю, будто не своим. Вот что мне сказать? Да, я против и мечтаю, чтобы Ваш сын остался где-нибудь за тридевять земель от меня? – Я не против...

– Хорошо тогда. Я очень рад слышать... А Ник, он... Мальчик достаточно своеобразный. Хороший, любящий, но бывает дерзким. Просто нужно время...

– Всё хорошо, правда.

– Ладно. Ни пуха, ни пера завтра. И давайте там учитесь хорошо. Приглядывайте друг за другом... И главное, если что-то... то сразу говори, не молчи, идёт? – подставляет мне кулак и улыбается, и мне ничего не остаётся как сделать так же. – Вечером ждём внизу на ужин... Чтобы объявить...

– Хорошо...

Он уходит, а я смотрю на свою сумку.

Быть может, Таша всё же права, а? Может мне стоит по-особенному выглядеть завтра? Чтобы понравиться всем... И чтобы он не наезжал на меня больше?

Психую и иду к своему багажу. Неторопливо вынимаю оттуда всё, что перевезла. Вещей у меня не так много, но... Прилично в принципе.

Однако мне почти всё не нравится, блин...

Копошась в обилии шмотья, что мы когда-то покупали с подругой на распродажах в дорогих бутиках с хорошими скидками, я только сильнее теряюсь и расстраиваюсь...

Но в итоге через час примерок на связи с Ташей через наш общий чат, нам вроде как удаётся одеть меня...

Стою перед зеркалом, в раздумье, маленькая, почти хрупкая, словно созданная из света и тени. Чувствую внутри лёгкое трепетание, смешанное с предвкушением нового мира, в котором мне, кажется, совсем не рады. Моё отражение показывает миниатюрную фигуру, а выбранный наряд вроде как подчеркивает мою нежность и женственность. Я ведь сама по себе такая. Хрупкая, низкая и, как Таша говорит, худюшая... На самом деле, мне кажется, не такая уж худая. Особенно в этом наряде. Кажусь себе достаточно фигуристой. Не сравнить с тем, что было в девятом – ни груди, ни задницы... Сейчас вроде как всё появилось...

Лёгкая, сшитая из мягкой ткани юбка чуть выше колена как раз демонстрирует то, что ниже пояса. Она струится по ногам при каждом движении. Её насыщенный цвет – глубо-

кий оттенок сливового, будто играющий на солнце. В сочетании с изящной блузкой тонкой, белой, полупрозрачной с кружевными вставками на воротнике и рукавах смотрится очень даже изящно. А под низ я надела свой любимый белый топ.

Аккуратно поправляю воротник и делаю очередную фотографию в зеркало.

«Ну как?».

«Офигенно. Ещё лодочки напяль для шика!».

«Чтобы что, блин? Упасть там перед всеми? Я надену кеды, как всегда!».

«Лаааадно, зануда... И так круто будет. У тебя ноги от ушей!».

Я совсем не согласна с ней. Нет у меня таких данных... Просто она любитель приукрасить.

– Женя, ужинать! – слышу мамин голос и вздыхаю.

«Таш... Мне нужно будет идти... А я уже боюсь. Кажется, этот придурок будет сидеть с нами... Он не уехал».

«Сочувствую, малыш. Внимания поменьше! Словно он призрак, вот и всё!», – советует она, и я вроде как согласна с ней, но что-то мне подсказывает, что с ним так не получится... Наоборот.

И когда я переодеваюсь в домашнее и всё же спускаюсь вниз, чувствую, насколько подогретая атмосфера сейчас в гостиной, где накрыт огромный стол... Камин горит, но сильнее, конечно, жар исходит от его внешнего вида.

Он сидит, вальяжно развалившись на стуле и с кем-то переписывается, а я стараюсь на него не смотреть, усевшись с самого края, как бедный родственник. Лишь бы вообще с ним не пересекаться...

Но разве это возможно? Его отец уже сразу говорит мне:

– Жень, ну ты чего так далеко от нас? Иди к матери поближе...

– М... Ладно... – начинаю двигаться, и конечно же сталкиваюсь с тёмными зловещими омутами своего недовольного братца... Мне кажется, в них отражается вся чернота его испорченной души. Но если струшу, то саму себя буду потом гнобить.

Приходится отбросить страхи и усесться прямо напротив...

Пусть даже не думает, что я его боюсь!

Глава 7.

Никита Хорольский

Каждый раз, когда её вижу, хочется раздавить как таракана. Ещё и уселась напротив, будто специально. Пялится так, что глаза сейчас из орбит точно выпадут. У неё они и обычно-то большие, а тут прям-таки реально выражают весь шквал эмоций, что таятся внутри. И я, как истинный хищник, чётко улавливаю страх, который она пытается скрыть за маской дружелюбия и покорности. Фальшивая дешёвая выскочка.

Пишу Кире сообщение о том, как люто бешенно хочу ебаться, а она жалуется, что когда звала я не приехал, зато теперь у неё якобы мама дома. Будто меня это вообще волнует. Отсосать можно и в тачке. Нихуя сложного. Рот открыла и вперёд. Тем более уж что-что, а сосать она умеет. Как пылесос, нахрен. У неё даже негласное погоняло между нами с пацанами – Дайсон, блядь.

Хули нет, когда да.

– Жень, ну ты как вообще, готова к первому дню? – спрашивает отец, выдирая меня из переписки, пока у меня внутри всё кипит. Я вообще не желаю слушать о планах этой деревенской сучки и уж тем более видеть, как он ей восхищается. Слюны во рту, ровно как и гнева внутри становится больше. Так и бы харкнул ему в рожу, если честно. За маму и всё,

что ей приходится переживать, пока он тут кокетливо сюсюкается с совершенно чужими ему людьми.

Уже не могу нормально переписываться, потому что всё внимание на эту убогую. Жду, что такого скажет, чтобы тоже повосторгаться её умениями. Может там много скрытых талантов, а я и не в курсе... Как, например, у её мамыши. У той-то точно есть, раз отца моего из семьи увела. Ш...

– Да, готова, – пищит она в ответ, и её мамаша улыбается. Я от всей этой приторной сказки уже готов выйти из окна. Что за актёры погорелого театра? Им самим что ли это нравится?

– Женя всегда скромничает. А вообще она даже планирует стать старостой группы... У неё все задатки для этого имеются...

– Ну, конечно же, – поддёбываю я, ковыряясь в тарелке.

– Что, Ник? – тут же прерывает отец, и я поднимаю свой озлобленный взгляд.

– Говорю – задатки видны сразу же. Невооруженным глазом.

Все замолкают, и я тоже продолжаю молча есть. Хотя кусок в горло не лезет. Тошно с ними обеими. У меня аж челюсть сводит. И даже еда приобретает привкус разочарования и уныния от сегодняшнего вечера.

– Ну... – прерывает тишину её мама. – Почему сегодня сделку пришлось отменить?

Серьёзно, блядь? Ещё и в бизнес уже лезет...

– Да там... Не бери в расчёт. Ерунда. Главное, что я всё сделал по твоему вопросу.

– Что? Серёжа...

– Я ведь говорил, что сделаю...

– Ну не нужно было... Зачем?! – тут же возбуждает она, а мне прям интересно о чём они там вещают.

Пока мелкая сидит и смотрит на меня исподлобья, я отправляю ей воздушные поцелуи. После чего она тут же стыдливо прячет взгляд и старается вообще не смотреть. Ибо нехуй. Всегда так буду делать. Так и знал, что целка. Сразу же по взгляду видно. Вся сжалась, как будто её пытаются. Ещё один рычаг давления. От меня не сбежишь, нахрен.

– Потому что я так захотел. Я – мужчина, Эля... Разговор закрыт, – мягко заявляет отец, положив свою руку на её, и она тут же затихает, вжав голову в плечи. Нашёл себе покладистую пизду без мнения. Теперь радуется. Мама ведь никогда под ним не прогибалась. Аж бесит.

Смотреть на это не могу нормально. Сразу хочется наблюдать и уйти.

– Я наелся, спасибо, – заявляю, отставив тарелку, и отодвигаю стул со скрипом, но отец прерывает мою попытку.

– Ник, посиди ради приличия. У нас не просто ужин. Важное объявление, – напрягается он, пока я смотрю на них всех волком. Что он там, блядь, объявить решил? – Я... Сделал Эле предложение... Она согласилась, а Женя благословила нас...

– Как неожиданно, – отвечаю я язвительно.

А у него такой взгляд сейчас. Уверен, он жалеет, что я его сын.

– Не поздравишь, даже?

– Поздравляю, – дроблю безэмоционально. Внутри всё полыхает. Сжѐг бы эту гостиную до тлеющих углей. Вся их компашка мне противна. Будто черви завелись под кожей. Ненавижу.

– Поздравляю вас, мам... Сергей Николаевич, – тут же продолжает хомяк. – Я очень за вас рада, правда.

– Спасибо, Женя... Огромное, – делает акцент любимый папочка, чтобы обозначить, как ему не понравилось моё скупое поздравление. Но пусть не обольщается, мне тоже спектакль не зашёл. Так что обойдѐмся без оваций.

– Всѐ? Представление закончилось? Можно мне идти? – спрашиваю и уже вижу, что он начинает закипать, как она вдруг кладѐт руку ему на плечо и склоняется к уху.

– Не надо, дорогой. Прошу тебя...

Он стискивает зубы и смотрит на меня как на говно. И как я посмел его разгневать? Такого хорошего заботливого папочку? Урод Ник...

– Иди, – отрезает, и я тут же кланяюсь всему столу.

– Семья, – раздражительно произношу с улыбкой и ухожу к себе, пока сзади меня стоит неловкое молчание. Едва прячусь за стеной, как слышу отцовское:

– Не обращайтесь внимания. Извините за его поведение...

Мне очень стыдно.

– Всё хорошо, дорогой, – тут же успокаивает его старшая.

– Я совсем не обижаюсь. Всё нормально, – поддакивает младшая.

Нихуя себе у них способности по обворожению. Типа такие хорошие. Слова лишнего против не скажут... Только деньги давай и нас всё устраивает... Правда же? Конечно...

– Я думаю, что ему просто тяжело. Такое бывает... – выплёвывает очередной свой вердикт старшая.

– Мам... А можно я тоже пойду к себе? Я просто хочу выспаться...

– Хорошо... конечно, дорогая. Точно всё нормально?

– Да, прекрасно... Спасибо за ужин, – слышу, как она встаёт и начинает греметь посудой.

– Женя, ты что? Поставь, – тут же звучит из уст отца. – У нас есть человек, который убирает. Всё в порядке... – объясняет следом. Мне кажется, он со мной так сроду не разговаривал.

Какая же она тупая, а...

– Поняла, спасибо, – начинает идти, а я караулю её за стенкой.

Как только вижу, что выныривает, тут же зажимаю ей рот и затаскиваю за угол, прижав к стене, пока она мычит в мою ладонь, словно истеричка и лягается.

– Я спрошу один раз. Или шею тебе сверну, – шепчу ей на ухо, пока она продолжает брыкаться. – О чём отец говорил?

Что он там решил? Сейчас разожму, и только попробуй заорать. Поняла меня? – стряхиваю её на месте, и она тут же замолкает, кивая.

Отпускаю...

И буквально через секунду она отлетает в сторону, убегая от меня за кресло.

– Ты больной ублюдок! – цедит шёпотом, пока я усмехаюсь.

– Не зли меня, хомяк. Говори, нахрен! Живо!

Мама просила меня всё рассказывать. А я не понимаю, о чём они тут вообще пиздели. Про женитьбу-то хорошо понял, но она и так меня предупреждала... Заранее. Думал, что преувеличивает. А оказалось – чистая правда, блин...

– Вот тебе, – показывает мне средний палец.

– Я тебе его переломая сейчас. Отвечай, шкура, – рычу на неё, наворачивая за ней круги возле кресла, и она тут же тычет пальцем куда-то за мою спину.

– Ой!

Понятия не имею, как мог купиться, но оборачиваюсь, думая, что увижу отца, а она драпает на лестницу, словно торпеда, и я лечу за ней.

– Дети, у вас всё в порядке? – слышится голос с гостиной, пока мы, словно два слона топаем вверх. Я за ней, будто молния Маккуин.

– Стой, сучка! – едва удаётся схватить её за шкиряк, как она толкает меня от себя и резко захлопывает перед моим

носом свою дверь, закрыв ту на щеколду. – Блядь! – ударяю по поверхности, вслушиваясь в её дикое дыхание по ту сторону. – Хочешь поиграть, да? Поиграем тогда...

До встречи, хомяк. Надеюсь, тебе хватит ума закрыть окно на ночь...

Глава 8.

Евгения Хомова

Точно псих! Ненормальный! Шизанутый, блин!

Кое-как справляюсь с дыханием и слышу, как он скребёт мою дверь с той стороны, а потом расхаживает возле неё туда-сюда как настоящий маньячелло.

– Свали отсюда, придурок! Иди на фиг! – отправляю его и прислушиваюсь. Вроде как слышу, что уходит. Хотела помыться на ночь, но теперь явно не пойду. Или придётся ждать, когда пройдёт время.

Немного валяюсь на кровати, немного переписываюсь с Наташкой. Рассказывая ей всё. И она от него просто в шоке. Да я и сама. Никогда бы не подумала, что так можно ненавидеть.

Когда стрелка часов переваливает за двенадцать я подхожу к двери, а там стоит мёртвая тишина. Кажется, все уже почти спят.

Поэтому я тут же выхожу и иду в сторону ванной, закрывшись там на щеколду. Выдыхаю, поняв, что наконец здесь одна...

Начинаю мыться и приводить себя в порядок. Всё своё взяла с собой. Шампунь, щётку там... И прочее.

Моюсь я всегда долго. Минимум минут сорок. У меня много средств для волос и вообще я люблю подольше посто-

ять под струями тёплой воды. Тем более, тут очень красивая душевая, которая вызывает у меня восторг.

Обратно в коридор выхожу с опаской. Оглядываюсь. Всё проверяю, но вокруг как была тишина, так и остаётся. И всё-таки он, наверное, уже спит...

Резко залетаю в комнату и включаю свет первым делом. Проверять нет ли нигде того дурацкого паука. Мало ли...

Только убедившись, переодеваюсь в домашнюю пижаму и готовлюсь ко сну, предварительно расчесав и высушив свои длинные волосы. Кстати, это одно из немного во мне, чем я очень горжусь. Они у меня и впрямь ухоженные. Светлые, практически всегда прямые, но бывает, что выются немного. К примеру, если лягу спать нерасчёсанной...

Ставлю телефон на зарядку и прикрываю глаза... Пока шуршу одеялом не сразу осознаю присутствие в комнате другого человека.

И лишь когда его ладонь вновь ложится на мой рот и затыкает его, я начинаю мычать и драться. Не на жизнь, а на смерть.

– Ну, привет, хомяк, чё поиграем?

Чувствую, как он залезает на меня и придавливает собой к матрацу, пока я пытаюсь бить его кулаками. А потом и во-все кусаю его руку. Со всей силы стиснув зубы на его коже, отчего он озлобленно шипит на меня.

– Помо!!! – не успеваю докричать, как мне на голову приземляется подушка.

– Заткнулась быстро! – рычит он на меня, но я слышу лишь приглушённо, пока брыкаюсь под ним, сталкивая с лица подушку и жадно втягивая носом воздух. – Если не замолчишь, я отрежу их. – придавливая мои руки к кровати собственным весом, он держит ножницы прямо возле моих красивых волос, и я дышать перестаю, пытаюсь справиться с эмоциональным шоком. – Всё? Замолкла?

– Не надо их трогать, пожалуйста...

– Чё боишься, что ли? А... староста группы? – издевается он, насмехаясь. – Хочешь на лысо тебя побрею? Всё внимание будет на тебя... Как ты любишь.

– Я тебе потом такое сделаю... – цежу сквозь зубы и жмурюсь, когда он пугающе сжимает их, но пока не режет. А только запугивает меня.

– Отвечай о чём шла речь внизу.

– Я не знаю! Я вообще ничего об их отношениях не знаю! С чего ты вообще взял, что я рада?!

– Ага. Так я тебе и поверил, деревенщина, блин. Откуда ты такая, нахрен, вылезла?

Раздуваю ноздри, лёжа под ним. И грудная клетка вздымается в истерике. Что у него за приколы такие?

– Тебе что доминировать нравится? Унижать? Ты в курсе, что у тебя психологические проблемы?!

– Рот свой закрой... А то психологические проблемы будут у тебя.

– Они и так уже есть из-за тебя, блин! Отпусти меня!

– А что если не отпущу... А, хомяк? Что сделаешь тогда? – склоняется он ближе и обжигает меня своим дыханием. Я вдруг начинаю осознавать, что переодевалась здесь при свете... Он меня видел? Видел в трусах, блин?! Полуголой?! О, Боже... Я умру тогда...

– Я правда ничего не знаю... Ник... Отпусти меня, а. Похорошему...

– Угрозы бросаешь, блондиночка? – спрашивает, усмехаясь, и рассматривает моё лицо при свете огромной луны. Сегодня очень большая и глаза уже привыкли, так что я тоже его вижу, хоть и плохо, конечно. Только мне от этого хуже... Я не хочу чувствовать этот зловещий взгляд на себе. – Имей в виду, что я тебе нормальной жизни не дам. Ты пожалеешь, что сюда приехала.

Я молчу и просто хмурюсь в ответ. Потому что не знаю, как ещё до него донести, что я здесь ни при чём. И что ему придётся смириться с этим браком. С разводом родителей и прочим. И что я уже жалею, блин! Потому что сама не хочу ничего из этого! Кроме универа, конечно...

– У тебя точно с головой вава... Сходи к специалисту.

– Хах... Да я на нём уже сижу... Как тебе, кстати? Не сильно давит?

Пыхчу под ним, а он продолжает смеяться.

– Твоё привычное положение теперь... Всегда вот так будешь...

Как же я его призираю. Мало того, что он мне уже всё

отдавил своим телом, так ещё и издевается.

– Слезь с меня!

– Давай так... Побреем тебя налысо и слезу...

– А давай просто треснем тебя по башке чем-нибудь тяжёлым и тогда может Бог смилостивится над тобой и там появятся хоть какие-то мозги!

– Сучка, – ржёт он, дёргая мои волосы в сторону.

– Ай! Сволочь!

Держит их в руке, зажав в кулак, и прям-таки весь кипит от злости и эйфории, блин. Глаза как у демона. Совсем долбанулся.

– Заведи себе девушку и её так дёргай! Отпусти, говорю!

– У меня в отличие от тебя и так есть отношения. Это ты у нас одинокая несчастная по жизни лохушка. У тебя на лбу написано, кстати... О! У меня хорошая идея. У тебя есть маркеры?! – спрашивает с энтузиазмом. – Желательно перманентные!

– Только попробуй! И тогда тебе точно придёт конец! Ты ничего мне не сделаешь! Потому что боишься своего папочки! – выпаливаю я, и у него аж зубы скрипят, когда он стискивает челюсть и сильнее сжимает мои волосы до жжения, но я ни звука не издаю. Лишь ответно сверлю его взглядом, а потом и вовсе чувствую, как он давит меня к подушке своим лбом. Бодает буквально, причиняя боль. А потом шепчет в сантиметре от моих губ своими, вызывая дрожь по всему телу и странные импульсы во всём теле...

– Запомни, мелкая дрянь... этот момент...

Не успеваю и сообразить, как он резко дёргается в сторону с меня, хватая какую-то коробку с пола, а потом вываливает её содержимое на подушку возле моей головы, и я начинаю орать, словно сумасшедшая, скидывая с себя паука, как ду-маю. А он быстро сваливает куда-то в сторону окна, исчезая за тюлью.

Мои визги оглушают весь дом. В комнату вдруг вбегают ошарашенные мама и его отец, сразу же зажигая свет и бросаюсь ко мне, когда я в истерике пытаюсь достать из волос то, что он мне оставил. А потом мама пытается меня успокоить.

– Женя, ты что?! Тише... Успокойся!

– Паук там паук, уберите его!!!!

– Жень, это мармеладка, смотри... Простой мармелад...

Ты что ела на ночь? – распутывает она его и достаёт с моей головы, пока меня колбасит так, что я не могу прийти в себя... Какой же он конченный идиот всё-таки... Ненавижу!

Глава 30.

Евгения Хомова

Сейчас он кажется мне совсем другим. Не таким ужасным... Наверное, он наконец раскрывается или...? Я, возможно, хочу это видеть. Только правда в том, что я его совсем не знаю. Для меня он – закрытая книга. Одна из тех, что лежат на полках. Многие я даже в глаза раньше не видела...

Он возвращается с чаем в руках и ставит кружки на стол, а мне настолько неудобно теперь, что я не знаю куда смотреть. Однако Ник плюхается обратно и сверлит меня своими тёмными омутами. Будто нарочно, блин. Суперспособности его коварной натуры... Раздевать, не касаясь... Залезать внутрь, не спрашивая разрешения...

– Женя... Ну, посмотри на меня... Чего ты боишься? – спрашивает, словно под кожу мне лезет, и тогда я собираю силу воли в кулак и смотрю... Как могу. Со всей своей естественной простотой... Чувствую, что тону в его взгляде. Ещё и назвал впервые «Женей»... И мне страшно, но... Ещё мне очень нравится видеть его перед собой таким спокойным и уравновешенным. Каким он вообще со мной почти не был. – Отлично. Продолжим?

– Тебе что гадать понравилось? – хихикаю в ответ, и он вздыхает.

– Я уже сказал, что это чушь, но если твоя душа желает...

То...

– Вот, кстати... Веришь в человеческую душу? – спрашиваю, но не знаю зачем, потому что для него, кажется, это всё какая-то пытка... Наверное, он не привык о таком разговаривать. Хотя и не убегает от ответов. Скорее, задумывается.

– Более или менее... Не знаю. Ты?

– Да... Я ощущаю ауру человека... Верю в то, что наши поступки ходят прямо за нами...

– Ага... Маршируют, блин, – язвительно отвечает он, потому что, как я и думала, ни во что такое не верит. Но...

– Ну... Не веришь – не надо... Это я так, к слову сказала... Вообще я считаю, что если две души в связке, то это навечно.

– Ага... Скажи это моим родителям, – резко отвечает он, и у меня колет в сердце. Блин, я зря так сказала, наверное. Знаю же, что больная для него тема. Очень.

– Ник... Я не это имела...

– Забей.

– Нет, я серьёзно... Мои ведь тоже когда-то были счастливы... Давно. Я уже и не помню...

Он бросает на меня такой взгляд, что мне удавиться хочется.

– Кто твой отец?

– Проще сказать не кто он такой... А кем он точно никогда не был... Отцом, – отвечаю я, и Ник усмехается в ответ на это. – Тебе смешно?

– Нет. Очевидно, что столь же неприятно, как тебе...

– Давай тогда... Мы просто опустим эту тему... И...
Смотри что нашла... – улыбаюсь, схватив с полки потрёпанную старую книгу – «Госпожа Бовари». Он сразу же закрывает глаза и недовольно выдыхает. Взгляд искривлен возмущением. – Ну что, сейчас я открою страницу, и она скажет мне, кто я есть на самом деле. Или, может, кто я буду завтра...

Он ржёт надо мной чуть ехидно.

– В этот раз ты выбрала книгу, потому что ведьмам гадание по страницам нравится больше, чем по луне? Или тебе кажется, что «Госпожа Бовари» – это такой магический артефакт?

– А почему бы и нет? – усмехаюсь я. Всё лучше, чем застревать на той ужасной теме. – Ведьмы ведь бывают всякие, магии полно. А вдруг, если я открою страницу, там будет что-то про мою судьбу?

Он делает жест, словно направляет меня рукой.

– Ладно, давай проверим. Открываю я сам, и ты указываешь мне на страницу.

– Давай!

– Ну... Читай...

Мой палец останавливается на одной из строчек.

Я делаю вид, что читаю вслух, хотя читать вслух не люблю, скорее, цитировать:

– «Она была слишком часто одинока, чтобы верить в чудеса»... И что... Так... Так... Так... – задумываюсь я. – Это говорит мне о том, что я буду одна вечно? Или о том, что я,

словно ведьма, могу загадывать судьбу других?

— Скорее, о том, что ты, как и госпожа Бовари, страдаешь от иллюзий. — я поднимаю бровь в ответ на это. — Представляешь, ведьмы по страницам рассказывают о наших желаниях, а тут речь именно о заблуждениях.

Я хлопаю по книге, будто этому придала магическую силу. Но меня даже удивляет, что он понимает о чём мы говорим. Он читал, блин, что ли? Я вообще не ожидала...

— А я сейчас открою, и мне скажут, кто я:

«Ты ищешь любовь, но находишь только тень».

Ауч... Фигня какая-то, но я пытаюсь вынырнуть из этой неудобной темы... Которая сейчас вообще неуместна.

— Может, я — ведьма-отшельница, которая гадала бы по страницам, чтобы понять только свою судьбу? Тут всё об одиночестве, блин... Не ту книгу я выбрала для гаданий...

Он так на меня смотрит. Как на дурочку.

— Или..., — поднимается и приближается ко мне со смешанным сарказмом, но у меня внутри сразу же всё дрожит от его близости. — Ты сама эта самая тень. Вся в иллюзиях. И что именно ты хочешь знать, кто ты, или просто любопытна как любая ведьма...

Я затихаю и вдруг так серьёзно говорю, стараясь не смотреть на него, потому что он сбоку... Касается моего плеча своим.

— А ты, что думаешь, гадания по страницам — это что, магия? Или обычное зеркало твоей собственной глупости?

Он пожимает плечами.

– Не знаю. Наверное, чуть магии, чуть глупости. Главное – это игра. А ты – будто бы ведьма, которая мечтает разгадать свою судьбу. И знаешь что? Может, и правда. Гадания по страницам – это ведь тупые иллюзии для идиотов. А мы с тобой...

– Нет, нет, нет... Никаких мы с тобой... Ты опять переходишь черту, – отталкиваюсь и чуть сдвигаюсь от него на край дивана, но он настойчиво обхватывает меня за талию и двигает обратно к себе, заставив обхватить его кофту, зажав в кулаки. – Ник...

У меня дыхание спирает от страха. Снова...

– М? Что? – смотрит на меня столь открыто. Так, будто хочет поцеловать. Наши глаза так близко. Чёрт... И губы тоже... Но он просто не отпускает мой взгляд. Держит намертво своими котлованами. – Блядь... А в тебе, правда, есть что-то от той самой ведьмы, да, хомячок... – он тянется к моим губам, обхватив меня за голову, и я уже не могу этому противиться... Сдаюсь ему на секунду другую...

Глава 9.

Никита Хорольский

Чуть от смеха не помер, когда она визжала и дрыгалась, как психичка. Это было лучшее, что я чувствовал за последнее время... Тупо, конечно, что возбуждился, когда на ней сидел. Реакций тела не унять. Ебаться хочется дико просто. А она ещё там сиськами своими светила, будто нарочно. И в принципе, если затолкать её башкой под подушку и вздёрнуть жопу кверху, то можно присунуть. Фу, блядь! Какого вообще хера?! О чём я только думаю?!

Лежу в комнате под аккомпанемент отцовских шагов и её визгов, и ржу, переписываясь с пацанами.

Alex: «Чё ты сделал??? Ахахахахха, придурок, сука».

Vano4: «Она ебательная вообще?».

Nick09: «Нихуя подобного. Она целка, инфа сотка, и на вид как дешёвая шалапендра».

Vano4: «Шалапендры же ебательные...».

Сука! Ваню, блядь...

Alex: «Ваня, для тебя даже твоя собака ебательная, так что».

Nick09: «Ахахахахахах».

Vano4: «Гондоны...».

Пока сижу и угораю сам с собой, в дверь звучит стук. Приглушенный, тихий, и я тут же смотрю на время. Почти час

уже... Сто процентов отец. Ну кто ещё?

Иду к двери и сразу открываю.

– Чё? – замечаю его, пока он косится на меня.

– Она не рассказала, но я уверен, что это ты успел её запугать... Ник... Что происходит? Я уже не раз тебе говорил. У нас с твоей матерью давно всё плохо...

– Это ты так решил. У тебя всё хорошо, как я могу видеть. А вот у неё плохо, – сцепив зубы, произношу, пока он вздыхает.

– Я хотел переехать в другой дом, ты знаешь... Мама настаивала, что тебе будет сложно. И хотела, чтобы ты оставался здесь со мной. Но ты ведёшь себя... Как ребёнок, Ник.

– Это всё? Претензии на сегодня закончились? – пытаюсь закрыть дверь, но он перехватывает.

– Нет, подожди, я не договорил... Ник, завтра её первый день в университете. Вспомни, как тебе было... Прошу тебя, не учуди ничего...

– Вспомнить как мне было... А ты помнишь? Или в этот день заключал очередную ссанную сделку?! – выпаливаю я, и он меняется в лице.

– А тебе плохо из-за этого? Разве деньги не то, что тебе от меня нужно, сын? Что-то я не заметил, чтобы ты жаловался. Ты или твоя мать. Когда покупал вам по бентли, когда ездили отдыхать куда-то без меня, пока я работал. Я не жалею тебе. Я просто даю. А ты должен уважать меня, хотя бы немного, Ник. Я – твой отец!

У меня сжимаются кулаки. Я, сука, так на него злюсь, что половины слов не воспринимаю. Надо же... Как он устал. Один ведь в семье пашет... Бедняга. Со сделки на сделку, пока мы такие хуёвые отдыхаем...

Молчу, а он ещё раз заглядывает в мои глаза.

– Я надеюсь на тебя, сын. Будь мудрее... – и уходит, а я захлопываю за ним дверь.

Теперь ещё злее, чем обычно. Аж зубы скрипят. Боюсь всю эмаль к херам стереть такими темпами.

Nick09: «Хочу устроить ей какую-нибудь дичь. Идеи-то будут, не?».

Alex: «Хз, взглянуть на неё сначала надо. Завтра обговорим».

Nick09: «А мне щас надо. Или не усну».

Alex: «Вано, походу, обиделся... Рыдать пошёл».

Vano4: «Лёха, соси уже, а. Тебя мамка твоя ждёт».

Alex: «Падла».

Сижу и угораю. Задолбали уже, блин.

Nick09: «Мне нужно что-то жёсткое. Чтобы она отметилась... Может облить её зелёнкой, а?».

Alex: «Уже было... Неинтересно».

Это он про школьное время. Мы узнали, что Тохина девушка встречалась сразу с двумя и отомстили ей подобным образом. Пометили, так сказать, ночью, когда возвращалась с очередного «свидания» в машине. В школу она не пришла, конечно же... Пиздела ему, что заболела. Но когда он при-

шёл к ней, буквально сразу всё просёк. Мы те ещё мстители...

Vano4: «Подкат?».

Alex: «Тебе лишь бы подкатывать...».

Vano4: «А чё сам хочешь?».

HalenTox: «Чё я пропустил?».

Nick09: «Кароч, ладно... Решу вопрос завтрашним утром».

Вырубаю телефон и прикрываю глаза. Но сердце в груди продолжает херачить бит. Если до утра ничего не придумаю, точно с ума сойду. Не успокоюсь. Мне нужно что-то очень унижительное. Прокручиваю в голове её эти невинные взгляды... У неё же никого там нет. Вообще никого. Она одиночка.

«Вспомни, Ник, каково тебе было в первый день».

Бинго, блядь...

Открываю глаза и тут же отправляю сообщение в чат.

Nick09: «Тайный поклонник. Мне нужен второй аккаунт, блин!».

HalenTox: «Заведи».

Nick09: «Общий будет. Все будем с ней общаться».

Vano4: «Ахахахах ну чё приколы, давай».

Nick09: «Ща я сделаю. Дайте идеи. Кто? Сопливое имя».

Alex: «Вано».

Vano4: «Иди на хуй».

Придурки, блин.

Тут же создаю ещё один аккаунт за именем, как у неё. Что ещё может расположить человека? Как не такое же имя, как у тебя...

Евгений Томский.

Похер, пусть будет так.

Нахожу фотку какого-то чувака из инета и ставлю на аватарку.

Nick09: «Чё норм?».

Alex: «Чё-т какой-то дохуя сладкий».

Nick09: «Бля, да ты бы её видел, ей в самый раз».

Alex: «Лан, норм чё. Завтра тогда?».

Nick09: «Ага. Жентос наблюдает за ней».

Alex: «Наблюдает и дробит».

Vano4: «Ахахахаха сук. Уже вижу, как пишу ей – увидел тебя в первую минуту. Ты такая милая и красивая малышка. Такую ведь дичь они любят, правда?».

Alex: «Кто они, Вано? Собаки?».

Vano4: «Слышь, ты заебал! То, что я люблю своего ретривера, не значит, что я зоофил!».

Nick09: «Пацаны, угомонитесь, а... Мне цельная команда нужна, а вы срётесь».

Alex: «Да мы не срёмся. Мы ж любя... Да, Панин?».

Vano4: «Да, Шаляпин».

Сижу и ржу в истерике. Потому что один постоянно тусит со своей собакой, а второй трахает мачеху... Как бы странно это ни звучало. Ору просто.

Ложусь спать с мыслью о том, что мой выдуманный Евгений уже готов залезть так глубоко в её сердце, что она охует после этого...

Глава 10.

Евгения Хомова

Я не высыпаюсь, конечно же... Мне всю ночь снятся кошмары из-за этого прикурка. Я дрыгаюсь, пинаю воздух. Бешусь и чувствую себя просто отвратительно. Я бы даже сказала – болезненно, словно он ввёл мне под кожу какой-то смертельный вирус. Да он сам как бацилла. Грибок! Бубонная чума! Коронавирус! Всё вместе взятое, но я не могу допустить того, что он добьётся своего и испортит мой первый день в любимом университете. Поэтому, собравшись всеми силами, я пытаюсь проснуться, завтракая с мамой и Сергеем Николаевичем за одним столом уже накрашенная, но пока ещё не одетая, в обычной пижаме.

Едва слышу шаги за своей спиной, как вся покрываюсь иголками. От макушки до пят. Уже предвкушаю этот взгляд и голос...

– Семья, – звучит язвительно из уст болвана, и он плюхается прямо рядом со мной, заставив меня вздрогнуть. – В этом пойдёшь? Тебе идёт.

Я молчу, пока мама с жалостью смотрит на меня, а его отец кривит губы. После чего экономка, женщина с тёмными прибранными в пучок волосами и старенькими покрытыми морщинами руками быстро ставит ему тарелку и исчезает с глаз, словно её здесь и не было... Я удивляюсь, их способно-

сти оставаться призраками в таком доме... И удивляюсь людям, которые даже «спасибо» не могут сказать в ответ. Вроде него...

Стиснув зубы, я ем, потому что нужны силы, а он только насмехается рядом, попивая кофе.

– Смотри, потом не влезешь в лосины, а у нас там девчонки аэробикой занимаются. Будешь выделяться...

– Ник, – тут же прерывает отец. – Отстань от Жени и лучше подумай о том, где будешь практику проходить. Заранее.

– Ага, – выдыхает он, а мне теперь кусок в горло не лезет. Вот ведь навозный жук, а. Ненавижу.

Пока родители болтают, а я просто ковыряю вилкой еду, он сидит и дуёт мне на волосы со стороны, заставляя несколько прядок выбиться от копны.

– Прекрати, – дёргаю головой в сторону от него, поймав его взгляд. У самого глаза красные. Небось тоже всю ночь не спал – радовался тому, что со мной сделал. Псих отбитый.

– Чё пялишься, хомяк? Хочешь меня? – шепчет с ухмылочкой, пока я закатываю глаза и отворачиваюсь к маме. А этот дебил достаёт телефон и начинает переписываться с кем-то. Надеюсь, пишет своей девушке, и отстанет от меня сразу, как они с ней встретятся в стенах универа. Если таковая, конечно, есть и он не соврал мне. Потому что я не представляю, как она должна выглядеть и кем быть, чтобы встречаться с таким моральным уродом.

После завтрака родители отпускают меня, чтобы переоде-

лась, а этот придурок вроде как должен сам доехать до университета. У него ведь есть права и машина. В отличие от меня, кстати. Хотя я бы хотела уметь водить... Но мамину я порой заводила и несколько раз мы даже пробовали учить меня. Получалось не очень и тогда мы бросили это гиблое дело.

Одно меня сегодня радует...

Выгляжу я, слава Богу, точно так, как запланировала.

У меня даже кеды постираны. Идеально белые. Небольшой рюкзак, капроновые колготки, юбка, блузка и кардиган.

Всё, чтобы выглядеть мило и соответствующе...

Правда, кому или чему я там должна соответствовать, я пока не решила...

– Красивая какая... Выглядишь потрясно, – делает мама комплимент, когда спускаюсь вниз, чем сразу же заставляет меня улыбнуться. Чего не скажешь о том моменте, когда этот кровопийца бросает на меня свой взгляд. Улыбочка так и ползёт вверх, чтобы снова что-то ляпнуть. Как же он бесит. Я уже не могу...

– Юбка и кеды... Какая ж ты предсказуемая...

– Ник, ну что не так? Сейчас так модно, – прерывает его мама дружелюбно.

– Ага, точно, я забыл, – отвечает этот гад, и подмигивает мне. – Кстати... Что у тебя в волосах?

Я тут же начинаю проводить по ним руками, потому что у меня уже параноя после вчерашнего, а он ржёт.

– А... Просто показалось... Думал, паук что ли сидит...

– Придурок, – рывкаю я, когда он безобразно гогочет и выходит первым, после чего все мы идём за ним, только в другую машину. Конечно, он не выпускает меня из виду. Будто целится, блин. Даже снова отправляет мне эти свои поцелуйчики, от которых меня тошнит. Психопат-маньяк, блин.

– Не обращай на него внимания, он видит, что ты красивая. Просто специально так себя ведёт, – шепчет мне мама на ухо, перед тем, как мы скрываемся от его противных глаз во внедорожнике его отца. Вообще у него вроде как водитель есть, но на этот раз он решил отвезти меня сам... Не знаю, может, мама попросила... – Цвета ты очень нежно подобрала...

– Спасибо, мам... – поправляю свою юбку и смотрю в окно в преддверии первого дня. Так страшно, что сердце вырывается из груди.

Как раз это и даёт силы не умереть от недосыпа из-за этого ублюдка.

Доезжаем мы быстро, и его машины я там не вижу. Наверное, поехал куда-то ещё. Может, за девушкой или другом. Не знаю, но зато полно других ребят, с которыми я тут же сталкиваюсь взглядами. Не сказать, что все так негативно настроены, очень даже приветливые с виду. Я точно знаю номер аудитории, и хотя здание несомненно приковывает взгляд, долго осматривать его я не планирую. Хочу поскорее попасть внутрь...

Поэтому быстро прощаюсь с мамой и благодарю Сергея

Николаевича, ступая на порог этого огромного величественного и даже немного роскошного корпуса с мраморным полом и тяжеленными колоннами, тянущимися до самой крыши.

– Вау... – слышу и со стороны от других, и от внутреннего «я».

 Действительно «вау»...

На входе стоит охрана и металлоискатели. Только хочу пройти, как мой рюкзак начинает визжать, и я хмурюсь, пытаясь вспомнить, что у меня там может лежать из запрещенки. Открываю и вижу...

Лучше не произносить вслух, что я там вижу...

– Извините... Я на секундочку... – только разворачиваюсь, чтобы убежать и выбросить это из своего рюкзака, как вновь врезаюсь в уже знакомую грудную клетку со своей силы и поднимаю напуганный взгляд.

– Вооооу... – стопорит он меня в окружении своих друзей и, судя по всему, подружек. – Что такое, мелкая, не пропускают? Она вроде как не опасна, Михаил, можете запустить. – со смехом бросает он охраннику. – Или затыкаешь нас этим насмерть? А? Как себя привыкла? Часто балуешься?

Достаёт эту огромную мерзкую штуку из моего приоткрывшегося рюкзака и швыряет её мне в ноги, а мне хочется удавиться от того, что я испытываю при этом...

Глава 28.

Евгения Хомова

Сердце, кажется, уже затихло. Долбило так, что все ресурсы истратило...

Он вернулся... Вернулся только сейчас... Хотя время уже перевалило за двенадцать.

И я прислушиваюсь к мужским голосам за дверью, в отчаянии сжав в кулаки свою подушку, а потом вдруг...

Стук...

Я чуть с кровати не падаю от страха. Серьёзно... Мне не послышалось? Пусть это будет Лёша... Пусть он что-то забыл у меня спросить...

– Да?

– Открой мне, – звучит голос Ника, который буквально выворачивает меня наизнанку. Зачем??? Зачем пришёл? Где ночевал? Господи, как же страшно.

На цыпочках иду к двери и останавливаюсь. Почему он всегда такой грубый и прямой, как шпала? Будто приказывает, а не просит. Почему его голос звучит, словно выстрел в тишине... Ранит и пугает. Я реагирую совсем не так, как мне бы хотелось...

– Что тебе нужно? – спрашиваю тихо, и голос так дрожит, что сразу всё понятно. Ты влипла, Женя... По-полной.

И он уже всё от тебя ощутил. Ты вчера всё ему продемон-

стрировала.

– Поговорить...

– О чём?

– Ты так хочешь разговаривать? Мне здесь при всех говорить?

– Нет! – тут же открываю и вижу тёмно-карие, которые практически сливаются с цветом его футболки, которую я столь бессовестно скребла вчера... Лицо покрывается красками, а я сама – испариной... Страшно, просто жуть какая-то. На губы его смотреть не могу, сразу же всё горит. Ладони потеют. И я вытягиваюсь перед ним стрункой.

– Впустишь?

– Извини... Проходи, – делаю шаг назад, и он сильнее открывает дверь, заполняя пространство своей тёмной аурой. За секунды, блин... Не человек. Армагеддон. И я рядом ним, будто в ловушке. Он затягивает в свои сети.

Бессвязно кружит вокруг меня и моей кровати. То туда, то обратно. А я просто стою и наблюдаю за тем, как нам обоим, оказывается, неловко.

– Вчера...

– Я всё забыла... Я... Выкину из головы. Ничего не было, можешь не переживать, – выпаливаю на автомате, перебив его, потому что там в груди столько боли и речь теперь непонятная, сбивчивая, торопливая. Да и я сама в трёх секундах от того, чтобы упасть в обморок. А он так смотрит. Буквально прожигает во мне дыру.

– Что если... Я не хочу забывать?

По коже тотчас же проносится мороз. Не просто холодок, а буквально оледенение, от которого у меня пропадает дар речи, и я инстинктивно ёжусь, обхватив собственные руки.

– Ты... Вызываешь у меня разные эмоции. Одна из них прямо противоположная другим, – говорит он, и я слушаю. Словно замороженная дурочка, жадно впитываю каждое его слово. Наши глаза, мне кажется, утонули друг в друге. Иначе как объяснить, что он тоже, как и я, не отрывается от моих? Как? – Я сам запутался, но... Вчера голову потерял просто.

– Голову... От меня?

Будто укол влетает в сердце, заставив его биться заново...

Он молчит, но кивает. А лицо такое... Я даже описать не могу. Сердитое, но умиротворённое.

– Мне казалось, ты с Кирой ночевал снова...

– Нет, я к матери ездил. Нужно было мозги проветрить, – рубит, присаживаясь на мою кровать. – Что думаешь?

– А что я могу думать... Я вообще не знаю... Для меня это...

– Шок, я понимаю. Сам примерно в таком же состоянии... Хорошо, что затормозила вчера, иначе я бы... – проводит рукой по своим волосам. Я же вчера его прямо за ним оттаскивала, потому что по-другому он не слышал...

– Больно?

– Нет. Нормально... Напоминает.

– Ясно... Ник, мне нужно немного одной побыть. Я вооб-

ще не понимаю, что происходит.

– Ладно, будь одна. Долго?

На него это так не похоже. И я не хочу его обижать, но... Он ведёт себя странно. Мне не по себе. Наверное, он и сам такого от себя не ожидал...

– Не знаю... До вечера?

– Ну до вечера, так до вечера, – резко встаёт с кровати, а потом идёт к двери, заставив меня окаменеть. Я стою ровно напротив, и...

Он застывает так же резко, как подорвался. Прямо возле меня. По позвоночнику вниз скатывается напряжение. Он слишком близко. Непростительно... Смотрит так глубоко, но... В этом взгляде будто таится отчаяние.

– Можно ещё раз тебя поцеловать?

От этого вопроса у меня происходит ступор. Словно я провалилась в ледяную прорубь под лёд. Безмолвно смотрю на него и даже боюсь дышать. А он, кажется, готов хоть сейчас продолжить вчерашнее, и как только я вижу, что его рука тянется к моей талии, я тут же отхожу назад.

– Ты серьёзно? Нет... Я не буду. Нет.

– Ладно, – отрезает категорично, даже слегка обиженно, словно я задела его эго, и уходит из моей комнаты, хлопнув за собой дверь. За этим следует резкий мой выдох. Ощущение, что лёгкие упали вниз вместе с сердцем. Я не верю, что всё это только что происходило, блин...

Он правда хотел поцеловать меня ещё раз? Правда хотел

повторить?

И так смотрел на меня, будто... Та вражда, что была, перегорела... Или же затаилась где-то глубоко внутри, как враг, который ждёт, что ты потеряешь бдительность?

Прислушиваюсь...

Вроде как ушёл к себе. Интересно, он сказал правду о маме? Он у неё был? Не у той своей девушки?

Господи... Почему от одной только мысли о том, что он целовал кого-то после меня, мне становится дурно. Почему всё кажется сном? Я ревную, да? Вот она эта жгучая необоснованная ревность...

Тут же бегу к кровати и прячусь ото всех под покрывалом. Словно здесь кто-то есть. Достаяю телефон и пишу сообщение Наташе.

«Он вернулся. Я очень переживаю... Пришёл поговорить и хотел снова поцеловать».

«Блин, наконец-то. Я в дороге. Жопа болит. И чешусь вся. Вдруг заразилась чем-то от того кобеля? Фу! Передай ему, что тогда он будет оплачивать всё моё лечение!».

«О, ужас, ты серьёзно?! Вы что с ним что-то делали???».

«Да шучу я, Хома. Ничего не делали. Рассказывай, что там дальше с Ником».

«Больше ничего. Я не захотела. Сказала, что мне нужно подумать».

«Ну и правильно! Пусть теперь бегают, тупица!».

«Наташ... Ну... Мне правда плохо».

«Тебе правда не стоит брать и бросаться в омут с ним. Потому что он уже разок проявил себя хреново. А может и не разок. Посмотри, как будет вести себя. Да, красивый. Да, мрачный и таинственный, но... Ты, между прочим, намного лучше его! И заслуживаешь лучшего!».

Читаю и улыбаюсь, как дурочка. Мне так приятно, что она обо мне заботится и переживает. Как родная сестра. Наверное, для меня почти так и есть. Я уже жалею, что мы снова на расстоянии.

«Я тебя люблю. Ты знаешь?».

«Знаю, Хома... И я тебя. Если по-честному... Я написала Коле, что начала встречаться с другим».

«О, Боже... А он?».

«Он... Он просто прочитал и не ответил».

Блин, как же мне обидно за неё. Она же у меня такая классная. Потрясающая.

«Какой же он гад».

«Не то слово... Но я его достану».

«А как же Лёша?».

«Лёша? Брось... Он завтра забудет, как я выгляжу. И ты не напоминай. Он классный и всё такое. Просто он не для такой как я. А я не для него».

Не знаю, почему она так говорит, ведь мне показалось, что ему было очень грустно, что она уехала... Но я не хочу навязывать ей своё мнение. Они уж явно лучше нас во всём разберутся... Не мне её учить. Я вообще в отношениях полный

ноль, судя по всему.

Не успеваю я додумать, как в дверь моей комнаты снова стучат. Я иду туда, но никто не реагирует на мои вопросы. Приходится открыть и...

Я вижу на пороге розу из сада, а рядом записку, лежащие на полу, и тут же разворачиваю её.

«Прости, я бываю колючим. Я не хотел обижать. Просто ты меня ломаешь. Надеюсь, ты подумаешь, и мы к чему-то придём. А сейчас я уеду из дома до вечера, чтобы ты могла свободно передвигаться. Вернусь в семь. Если будешь готова, отвезу тебя кое-куда. Ник»...

Глава 11.

Никита Хорольский

С утра я уже успел понервничать. Потому что у Лёхи возникли трудности, и он из-за этого не смог прийти на первое сентября в универ...

Если вкратце, его отец проснулся среди ночи, чтобы попить водички и застукал их с мачехой ебущихся на столе у него в кабинете...

Как-то так...

Разнос был полный. Когда приехал к нему ранним утром, увидел сбитые кулаки и фингал на роже.

– Нашли из-за чего пиздиться, блин...

– Из дома выпрет...

– Её?

– Ага, её... Меня! – возмущенно выпалил он, а я вздохнул, потому что печально, что у нас такие отцы. Готовые променять детей на щель. Так быть не должно... Сказал ему, что если всё-таки выпрет, то мой дом – его дом. Не вопрос. Может перекантоваться, сколько будет нужно.

А сам поехал за Ваной и Тохой. Тем более, что они пешком с похмелья. Оба... Кажись, я один вчера был по трезваку и просто насмеялся над лохушкой-сестрой, думая о том, что её можно и трахнуть... Никому не расскажу об этом позоре.

– Зырьте, чё покажу, – заржал, вынимая из сумки здоро-

венный фаллоимитатор.

У Ваньки сразу случилось истерика. Он ржал так, что чуть из машины не вывалился. Тоха отчаянно пытался предположить куда бы такой влез, пока мы ехали, и он размахивал им как джедайским мечом.

Поднёс к носу и понюхал, вызвав у меня хрюкающий звук.

– Новый хоть?

– Не, я уже поюзал, – отшутился, получив им по башке после этого.

Салон снова наполнился смехом, пока я вдруг не получил отрезвляющий удар в лицо одной только фразой, пока мы парковались возле главного корпуса.

– Нифига себе какая малыха, – промолвил Ванька, уставившись в окно. А у меня закрипели зубы.

– Приглядиись, друг. И не беси лишний раз...

– Да ну нахуй? – тут же встрял Тоха.

– Ага...

– Чё? – снова не допёр Ванька.

– Блин, ты отца его не видишь, что ли рядом с ней? Ослеп?!

– Блядь... Это чё она??? Та самая сестра?

– Аллилуйя, Ваня, ты делаешь успехи. Твой IQ уже выше 15, – добавил Тоха, и они начали пиздиться, когда мы выходили из тачки. А там на меня моментально набросилась Кира, словно у неё детектор вшит. Она вот всегда так. На любой тусе. Едва видит, как хватает и тащит куда-то в угол.

И сегодня не стал исключением.

– Любимый! – чуть ли с ног не снесла...

– Привет...

Повисла на шее мёртвым грузом и всё тут.

– Пацаны... Чё го? – спросил я, чтобы поскорее избавиться. Но она такая... Как липучка. Сам такую выбрал – знаю. Да там как бы и выбора не было. Нужна была самая характерная и сильная. Чисто априори как главному самцу здесь.

– А вы куда? – тут же состроила несчастную гримасу, не отпуская, пока её пигалицы стояли роем за ней, как за пчеломаткой. Да, у неё свой улей. Как и у меня. Ток я папа-шмель, если чё...

– По делам, малыш...

– Я с вами хочу... – надула губы и ждала. Ну и я решил, почему нет? Больше зрителей – лучше эффект...

– На, затолкаешь ей в сумку... – толкнул Ваньке, и он как раз умудрился, пробираясь через толпу, ловко толкнуть ей его за спину, засунув в приоткрытый маленький рюкзачок.

Подмигнул издалека, а потом мы все вместе застыли у металлоискателя.

– А кто это такая? – тут же спросила меня Кира злобным ревнивым шёпотом, скрестив на груди руки. – Почему вы на неё так взъелись?

– Живёт с Ником, новая сестра, – ответил ей Ванька ещё до того, как я успел нормально с ней поговорить на этот счёт. Да, я не распространялся об этом никому, кроме парней.

Чтобы инфа случайно не дошла до её грёбанного братца и тот не начал искать рычаги давления. Да, я мудака. Но я и сейчас поступил бы точно так же.

– Не поняла...

– Забей, – подошёл вплотную к хомяку и представление началось...

А сейчас, когда вижу, что её подбородок дрожит от обиды и страха и вся она натягивается струной, увидев под своими ногами здоровенный резиновый член, мой паук кажется мне какими-то детскими шалостями, потому что все, кто стоит позади, видят это и истерично ржут. А она... Убегает оттуда прочь, оставив за собой лишь дымку жалости и сострадания.

– Смотри, блузку тушью не испачкай, малышка, – звучит из уст Киры заботливое ей в спину, пока её девки хихикают.

– Бля, урыл... – бросает напоследок Ванька и ржёт позади меня.

– А это... – спрашивает охранник, глядя на резиновый хуй.

– А, да это новенькая обронила, – добавляет она, и я морщусь. Вот это дерьмо было явно лишним. Ну да пофиг.

Нас пропускают, и мы быстро рассредотачиваемся по этажу. Правда, пакли моей так называемой девчонки никак не хотят покидать мои плечи.

– Завязывай, Кир...

– Чего так? Что случилось? У нас уже неделю ничего не было...

– Ты знаешь, мне не до этого.

– Ну да, ты занят издевательствами над этой девчонкой... а про меня совсем забыл. Мы даже на тусе не трахались!

– Не еби мне мозги, ок? Хочешь ебаться – пошли в толчок, да и всё...

– Я так не хочу.

– Ну вот сама не хочешь – не мои проблемы, – смотрю за её спину, и пацаны там уже угорают, хватая себя за шею, намекая на то, что она уже меня придушила. А это, сука, так и есть. Достала со своей навязчивостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.